

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Мишель
Пастуро

Дьявольская материя,
или **История полосок
и полосатых тканей**

Michel Pastoureau

L'ÉTOFFE DU DIABLE

**Une histoire des rayures
et des tissus rayés**

Мишель Пастуро

Дьявольская материя

**История полосок
и полосатых тканей**

Новое Литературное Обозрение

УДК 391(091)

ББК 85.126.6

П 19

Пастуро М.

П 19 Дьявольская материя. История полосок и полосатых тканей. Пер. с французского Ольги Зубакиной.
М.: Новое литературное обозрение, 2008. — 128 с., ил.

Уже название этой книги звучит интригующе: неужели у полосок может быть своя история? Мишель Пастуро не только утвердительно отвечает на этот вопрос, но и доказывает, что история эта полна самыми невероятными событиями. Ученый проследживает историю полосок и полосатых тканей вплоть до конца XX века и показывает, как каждая эпоха порождала новые практики и культурные коды, как постоянно усложнялись системы значений, связанных с полосками, как в материальном, так и в символическом плане. Так, во времена Средневековья одежда в полосу воспринималась как нечто низкопробное, возмутительное, а то и просто дьявольское. А во времена Возрождения и романтизма получили распространение «правильные» полоски – знаки праздников и символы свободы. Современная культура восприняла все практики и коды предыдущих эпох. В ней есть место всему: полоски, сохранившие «дьявольские» коннотации (полосатая одежда, которую носили узники лагерей смерти) или сигнализирующие об опасности (зебра и другие элементы дорожного движения); полоски, связанные с гигиеной (постельные наборы и нижнее белье), игрой (игрушки и другие товары для детей) и спортом (профессиональная экипировка), и, наконец, полоски как эмблематическая единица – атрибут униформ, значков и флагов. Автор подчеркивает – семиология полосок рассматривается им прежде всего в социальном контексте и служит лишь приближением к еще не написанной энциклопедии полосок.

УДК 391(091)

ББК 85.126.6

ISBN 978-5-86793-615-0

© Éditions du Seuil, 1991

Collection *La Librairie du XXIe siècle*,
sous la direction de Maurice Olender

© О. Зубакина, пер. с французского, 2008

© «Новое литературное обозрение», 2008

Посвящается Анне

ПОРЯДОК И ПУТАНИЦА В МИРЕ ПОЛОСОК

В одежду из разнородных нитей, из
ткани и льна, не одевайся.

Книга Левит. 19.19

«Этим летом отважьтесь на шик в полоску!» В этом экстравагантном слогане, что несколько месяцев назад заполнил рекламные щиты парижского метро, важно каждое слово. Но, думается мне, самое значимое здесь — глагол *отважиться*. Получается, что в самом появлении на публике в одежде в полоску есть что-то неестественное и шокирующее. Для этого надо обладать определенной смелостью, преодолеть застенчивость и не бояться оценки окружающих. Но отважившийся будет вознагражден: он приобщится к *шику*, к той непринужденной элегантности, что отличает людей утонченных и свободных. Мы вновь видим парадокс, столь характерный для нашего времени: для успешного функционирования любой социальный код может и даже обязан изменяться с точностью до наоборот — так то, что изначально воспринималось как нечто ущербное и неполноценное, становится знаком превосходства.

Словом, историку тут есть о чем подумать. Велик соблазн обратиться в глубь веков и провести параллель между предполагаемой дерзостью нынешних полосок и многочисленными скандалами, которые они вызывали в

течение всего Средневековья. Мы увидим, что полоски могут быть проблемой, и история костюма демонстрирует это с особой наглядностью.

История, литература и иконография средневековой Европы свидетельствуют о множестве персонажей, традиционно носивших полосатую одежду. Евреи и еретики, шуты и жонглеры, палачи, проститутки и прокаженные, а также воин-предатель из романа о рыцарях Круглого стола, безумец из Книги Псалмов и сам Иуда Искарот — все они были изгоями и отверженными, все они нарушали или искажали существующий порядок вещей, и все они в той или иной мере связаны с дьяволом. Составить список всех этих «отверженных в полосатых одеждах» — дело несложное; гораздо сложнее понять, почему именно эта одежда была призвана подчеркнуть их негативный статус. Причем здесь нет ничего мистического или случайного — напротив, множество источников открыто характеризуют одежду в полоску как нечто низкопробное, возмутительное, а то и просто дьявольское.

А может быть, люди Средневековья искали в Священном Писании оправдание для собственной нелюбви к полоскам? Действительно, в девятнадцатой главе Книги Левит, наряду с прочими предписаниями морального и культурного характера, запрещающими смешивание, в 19-м стихе мы читаем: *Veste, quae ex duobus texta est, non indueris* («В одежду из разнородных нитей не одевайся...» буквально — «одежду, сотканную из двух». — Прим. пер.). Но латинский текст Вульгаты мало что объясняет, равно как и Септуагинта. Можно предположить, что в исходном тексте за *duobus* следовало существительное, уточняющее, какие именно ткани или элементы одежды запрещено сочетать. А значит, допустимо и такое прочтение (исходя из слова *texta*, а также нескольких параллельных мест из Ветхого Завета): «Не надевай одежды из шерсти и

льна» (т. е. сотканной из ткани как животного, так и растительного происхождения)¹.

Или же стоит сделать акцент на *duobus* — возможно, имеется в виду *duobus coloribus*? Тогда фразу следует понимать следующим образом: «В двуцветную одежду не одевайся». В современных переводах Библии выбран первый вариант, поскольку он ближе к греческому тексту, но средневековые теологи и священнослужители иногда предпочитали второй и могли увидеть запрет на украшения и цвета даже там, где речь шла исключительно о волокнах и тканях.

А если суть проблемы не только и не столько в текстологии, но в особенностях зрительного восприятия? Создается впечатление, что человек Средних веков болезненно воспринимал любые изображения на плоскости, где фигура недостаточно отделена от фона, так что трудно сфокусировать взгляд. Глаз средневекового человека склонен к тому, чтобы последовательно вычитывать пласт за пластом. Любая картина, любая поверхность кажется ему выстроенной «в глубину», точно слоеный пирог в разрезе. Это структура, состоящая из нескольких планов, наложенных друг на друга в определенной последовательности, и для того, чтобы прочесть изображение правильно, нужно, начав с заднего плана, пройти все промежуточные пласты и закончить передним планом — логика, противоположная нынешнему способу восприятия. Но с полосками такое чтение становится невозможным: здесь нет ни заднего, ни переднего плана, ни фона, ни фигуры; существует лишь двуцветная плоскость, поделенная на четное количество полосок то одного, то другого цвета. В случае с полосками, как, впрочем, и с шахматной доской (второй образ, подозрительный с точки зрения средневекового восприятия), структура *совпадает* с фигурой. Не в этом ли причина скандальной репутации полосок?

В данной книге мы не станем ограничиваться периодом Средневековья и будем говорить не только об одежде. Мы рассмотрим историю полосок и полосатых тканей вплоть до конца XX века и покажем, как каждая эпоха порождала новые практики и культурные коды, не отменяя предыдущих, что постоянно усложняло систему значений, связанных с полосками, как в материальном, так и в символическом плане. Так, во времена Возрождения и романтизма получили распространение «правильные» полоски — знаки праздников или экзотики, а также символы свободы — что никак не отменяло существования полосок «отрицательных». Современная же культура восприняла все практики и коды предыдущих эпох. В ней есть место всему: полоски, сохранившие «дьявольские» коннотации (унизительная полосатая одежда, которую носили узники лагерей смерти) или сигнализирующие об опасности (например, зебра и другие элементы дорожного движения); полоски, связанные с гигиеной (постельные наборы и нижнее белье), игрой (игрушки и другие товары для детей) и спортом (спортивные костюмы для отдыха и профессиональная экипировка), и, наконец, полоски как эмблематическая единица — атрибут униформ, значков и флагов.

В Средние века полоски были связаны с хаосом и нарушением нормы. Однако начиная с Нового времени они постепенно превращаются в упорядочивающий элемент. И все же создается впечатление, хотя полоски и организуют мир и общество, сами по себе они по-прежнему противятся любой организации, если она отличается ограниченностью или излишней жесткостью. Для них годится любой материал, более того, они могут быть материалом сами для себя, приоткрывая нечто бесконечное и неуловимое: любую полосатую поверхность можно представить как одну

из полос на другой поверхности, также полосатой, но на порядок больше и так далее. Семиологией полосок можно заниматься до бесконечности².

Именно поэтому в последующих главах мы будем говорить не столько о семиологии, сколько о социальной истории. Занявшись проблемой полосок, в итоге задаешься вопросом, как визуальное и социальное оказались связаны между собой. Почему, например, на Западе в течение очень долгого времени для объяснения той или иной социальной иерархии обходились исключительно визуальными средствами? Значит ли это, что зрение классифицирует лучше, чем слух и осязание? Всегда ли *видеть* значит *классифицировать*? Ведь для многих культур, не говоря уж о животных, это вовсе не так. Почему знаки, маркирующие подозрительных личностей, опасные места и отрицательные свойства, всегда ярче и многочисленнее по сравнению с обозначениями «положительных» предметов и персонажей? Почему историки предпочитают «хвалебному» материалу источники пейоративного характера?

Здесь мы планируем лишь вкратце наметить ответы на эти большие и сложные вопросы — потому как, во-первых, эта книга задумана как небольшое издание³, а во-вторых, полоски являются столь динамичной структурой, что и нам придется двигаться очень быстро — иначе за ними просто не угнаться. Полоски не знают статики, они все время в движении; именно этим они всегда привлекали к себе художников — живописцев, фотографов и режиссеров. Они как бы оживляют всё, к чему прикасаются, без конца двигаются вперед, точно гонимые ветром. В Средние века Фортуна, вращающую колесо человеческой судьбы, часто облачали в полосатое платье. И сегодня в школьном дворе дети в одежде в полоску выглядят

особенно энергичными, выделяясь среди других учеников. То же мы видим на стадионах и спортивных площадках — кажется, что полосатые кроссовки бегут быстрее, чем одноцветные⁴. А значит, и книга, посвященная полоскам, должна отличаться особой расторопностью и быстротой.

ДЬЯВОЛ В ПОЛОСАТЫХ ОДЕЖДАХ (XIII—XVI ВЕКА)

Любой скандал оставляет после себя свидетельства и документы. Именно поэтому в распоряжении историков часто оказывается больше данных о нарушениях социальных норм, чем о самих нормах. И если мы посмотрим на историю полосок и полосатой одежды в эпоху Позднего Средневековья, то увидим тот же парадокс. Источники умалчивают об одноцветной одежде, поскольку она представляет собой нечто обыденное и повседневное, «норму». Полосатая одежда, напротив, достаточно широко представлена в документах — ведь она вызывает толки и вносит сумятицу.

СКАНДАЛ С КАРМЕЛИТАМИ

В середине XIII века во Франции разразился скандал. Если точнее — в конце лета 1254 года, когда Людовик IX Святой вернулся в Париж после неудачного крестового похода, драматичного плена и четырехлетнего пребывания на Святой земле. Король вернулся не один — его сопровождали несколько десятков монахов, в том числе кармелиты. Именно их появление произвело настоящий скандал в обществе: они были одеты в полосатые плащи!

Орден братьев Пресвятой Девы Марии с горы Кармель ведет свою историю с XII века, когда несколько мо-

нахов-отшельников поселились в Палестине, рядом с горой Кармель, уединившись для молитвы и умерщвления плоти. В 1154 году, согласно преданию, они объединились под началом рыцаря из Калабрии по имени Бертольд. Затем их ряды пополнили паломники и крестоносцы. В 1209 году Иерусалимский патриарх утвердил кармелитское правило, отличающееся чрезмерной строгостью. Но позднее этот устав был смягчен папой Григорием IX, который позволил монахам селиться в городах и заниматься проповеднической деятельностью. Так кармелитский орден вошел в число орденов нищенствующих монахов, наряду с францисканцами и доминиканцами; по своему устройству он практически ничем от них не отличался. Как и представители других нищенствующих орденов, кармелиты стали преподавать в университетах, в Болонье и Париже⁵. Когда же для Латино-Иерусалимского королевства, вынужденного постоянно отражать мусульманскую угрозу, настали тяжелые времена, они окончательно покинули Святую землю. Собственно, в Европе кармелиты поселились за несколько лет до возвращения Людовика Святого (в Кембридж, например, они перебрались в 1247 году), но интересующие нас события относятся к 1254 году, когда они прибывают в Париж, что и положило начало полемике об одежде, затянувшейся на несколько десятилетий.

До нас не дошло ни одного изображения, на котором было бы видно, во что одевались члены ордена в середине XIII века. В то же время существует огромное количество письменных свидетельств. Относительно цвета рясы источники противоречат друг другу, называя коричневый, рыжеватый и даже серый и черный цвета. Но все они сходятся в одном: кармелиты носили плащ в полоску, или бело-коричневую, или, как сообщают некоторые источники, черно-белую. Довольно рано возникла леген-

да, приписывающая кармелитскому одеянию библейское и поистине *небесное* происхождение. Согласно ей, точно такой же плащ носил пророк Илия, считавшийся покровителем ордена, — вознесясь на небо на огненной колеснице, он сбросил своему ученику Елисею свою белую мантию, на которой образовались коричневые полосы — следы его прохождения сквозь пламя. Легенда сама по себе красивая, причем Илия был выбран не случайно: это одна из наиболее популярных в Средневековье библейских фигур — мессианский персонаж и один из немногих героев Священного Писания, удостоившихся вознесения. Кроме того, мантия в Средневековье — знаковое одеяние, она испещрена символами, а ее передача от одного лица к другому всегда связана с обрядами перехода.

Некоторые тексты конца XIII века, увлеченные поиском символов, уточняют, что на кармелитском плаще было четыре белых полосы, представляющие четыре основных добродетели (сила, справедливость, благоразумие и умеренность), а между ними — три полосы коричневого цвета, напоминающие о трех христианских добродетелях (вера, надежда, любовь).

В реальности не существовало правил, которые бы регламентировали количество, ширину и угол наклона полосок на кармелитском плаще. Что касается более поздних изображений, там встречаются самые разные полоски — узкие и широкие, вертикальные и горизонтальные, и даже расположенные по диагонали; видимо, все это было не принципиально и не несло никакого символического значения. Главное, что плащ должен был быть в полоску, т. е. не однотонным, чтобы не напоминать плащи представителей нищенствующих, уставных и военных орденов, — словом, он должен был быть чем-то особенным. В результате отличие оказалось настолько сильным, что граничило с нарушением неписаных правил.

Стоило кармелитам появиться в Париже, они сразу же стали жертвами насмешек со стороны простого народа. На них показывали пальцами, их поносили, издевательски именуя «мечеными братьями», *frères barrés* — прозвище крайне оскорбительное, поскольку в старофранцузском *barre* («полоса», «прочерк») содержатся пейоративные коннотации, связанные с незаконным происхождением; это значение сохранилось в геральдике⁶.

Подобные шуточки преследовали монахов не только в Париже. Всюду, где бы они ни оказались — в Англии и Италии, Провансе и Лангедоке, в долинах Роны и Рейна, — их подвергали жестокой травле.

Иногда дело не ограничивалось лишь словесными насмешками — известны случаи физического насилия по отношению к монахам. Иногда им «задают трепку», как, впрочем, и доминиканцам с францисканцами. Последние раздражали людей тем же, что и кармелиты, — они жили в городе, бок о бок со светским населением (а не в изолированных аббатствах, как положено в других орденах); но им ставили в вину не ношение неподобающей одежды, а совсем другие вещи⁷. Их обвиняли в скупости, лицемерии и вероломстве, видели в них приспешников дьявола и Антихриста. А кармелитов, которые также существовали за счет милостыни, но чей орден был менее могущественным, не имел такого влияния среди высшей аристократии и не был связан с инструментами подавления, как в политической, так и религиозной сфере, — бедных кармелитов упрекали прежде всего в том, что они носят полосатые плащи.

Правда, к парижским кармелитам, поселившимся на правом берегу Сены, была еще одна претензия: уж слишком часто они оказывались возле монастыря бегинок, расположенного неподалеку от их обители. В одном из своих язвительных памфлетов, направленных против

нищенствующих монахов — «зловредных хозяев города», поэт Рутебеф издевается над этим опасным соседством:

Меченые часто млеют
От бегонок, их имеют
по-соседски, стоит только
Постучаться в дверь...⁸

Но самой большой проблемой остается пресловутый плащ в полоску. В начале 60-х годов XIII века возмущение горожан достигло такого размаха, что папа Александр IV специально попросил членов ордена сменить полосатый плащ на однотонный. Они отказались. Полемика на эту тему возобновилась с новой силой, в ход пошли угрозы. Конфликт усугубился. Он продлился более четверти века: в нем один за другим принимали участие десять Римских пап. В 1274 году на вселенском соборе в Лионе принципиальность кармелитов в этом вопросе поставила под угрозу существование ордена как такового. И если орден не был запрещен, как двадцать других «второстепенных» нищенствующих орденов, то только благодаря тому, что новый глава ордена Пьер де Мийо (1274–1294) пообещал подчиниться воле понтифика и как можно скорее урегулировать вопрос с полосатым плащом. Однако потребовалось еще тринадцать лет, долгих тринадцать лет с бесконечными спорами, переговорами, атаками и отступлениями. Наконец, в 1287 году на общем капитуле в Монпелье, в день Святой Марии Магдалины кармелиты приняли решение отказаться от полосатого одеяния и отныне облачаться в белую мантию. Впрочем, кармелиты, проживающие в отдаленных провинциях, таких как Рейнская область, Испания или Венгрия, отказались подчиняться и продолжали носить плащ в полоску вплоть до начала XIV века. В итоге в 1295 году папа Бонифаций VIII издал буллу, в

которой подтвердил постановление 1287 года о новом одеянии для кармелитов и запретил монахам всех орденов рядиться в полосатые мантии⁹.

ПОЛОСАТЫЕ ТКАНИ — НЕХОРОШИЕ ТКАНИ

Как возник этот запрет? Откуда берет начало это недоверие ко всему полосатому и презрение к тем, кто одевается в подобную одежду? В XIX веке ученые предположили, что кармелитский плащ вызывал ассоциацию с восточной одеждой — так называемой галабеей, которую и сегодня можно увидеть на улицах некоторых исламских стран. Видимо, полосатая мантия кармелитов вызывала неприятие у христиан именно потому, что напоминала им одежду неверных. Это логично, если вспомнить, как за несколько десятилетий до этого весь христианский мир был шокирован поведением императора Фридриха II, который одевался и жил «как сарацин» в своем палермском дворце.

Впрочем, существует и другая версия происхождения «плаща позора», предложенная самими кармелитами в XVIII веке: когда они жили в Сирии, полосатый плащ был навязан им мусульманскими властями, поскольку ислам запрещает христианам носить белые одежды — согласно Корану, они предназначены для людей знатных и высокопоставленных¹⁰. Возможно, в этом историко-культурном, почти позитивистском объяснении есть доля истины; но оно не передает всей глубины проблемы, сводя ее к вопросам этнической или религиозной принадлежности, в то время как речь идет о более фундаментальном культурном явлении.

Случай с кармелитами отнюдь не является чем-то исключительным. В Западной Европе было немало дру-

гих людей и социальных групп, пострадавших от ношения одежды в полоску. Быть может, истоки происхождения кармелитского плаща не так уж и важны? Главное, вся эта история подтверждает тот факт, что, где бы ни появились полоски, — будь то одеяние монаха или жонглера, шаровары принца или рукава куртизанки, стены церкви или шерсть животных, — они всегда оказываются чем-то провокационным или по меньшей мере маргинальным.

Обратимся к истории костюма. Начиная с эпохи Каролингов источники постоянно сообщают о дискриминации по отношению к людям, носившим одежду в полоску. И хотя больше всего документов на эту тему, естественно, датируется второй половиной XIII века и касается ордена кармелитов, в нашем распоряжении остается немало других средневековых текстов, как более ранних, так и более поздних. Читателю достаточно одного абзаца или даже фразы, чтобы почувствовать, с каким позором было сопряжено ношение полосатой одежды.

Прежде всего речь идет о декретах, принятых и многократно подтвержденных на епархиальных синодах, провинциальных ассамблеях и вселенских соборах, которые запрещали духовным лицам одеваться в двуцветную одежду — из двух равных половинок (*vestes partitae*), в полоску (*vestes virgatae*) или в клетку (*vestes scacatae*). В 1311 году этот запрет был подтвержден на Венском соборе, где проблеме одежды было уделено особое внимание¹¹. Заметим, что тот факт, что церковь была вынуждена вновь и вновь обращаться к этой теме, говорит о том, что эти предписания не соблюдались, несмотря на строгие санкции, применявшиеся к нарушителям в некоторых епархиях. Так, например, в 1310 году в Руане некто Колен д'Оришье, сапожник и, «как поговаривали», клирик (*que l'on disoit estre clerc*), был приговорен к смерти за то, что, во-первых, оказался женат, а во-вторых, что «был замечен в

полосатой одежде»¹². С тех пор церковное общество объявило полоскам настоящую войну. Особенно это касалось тканей, где чередовались яркие цвета, как то: красный, зеленый или желтый — цвета, вызывающие ощущение пестроты и *разнообразия*. В глазах церковных законников ничто не могло быть более бесчестящим¹³.

Что же касается мирян, то тут существовали различные обычаи, законы и правила, касающиеся представителей маргинальных слоев общества, — они были обязаны носить платье в полоску. Так, согласно положениям германского обычного права в период Позднего Средневековья, а также знаменитого *Sachsenspiegel* (сборник саксонских законов, составленный между 1220 и 1235 годами), в подобных одеждах надлежало ходить незаконнорожденным, слугам или осужденным¹⁴. Ту же тенденцию мы наблюдаем в законах против роскоши и указах, регламентирующих манеру одеваться, весьма распространенных в Европе в конце Средневековья, — из них следовало, что проститутки, жонглеры, шуты и палачи обязаны или носить полосатое платье, или, что чаще, задействовать в одежде соответствующий элемент: например, проституткам предписывалось носить шарф, платье или шнурки в полоску, палачам — полосатые штаны и шляпы, а шутам и жонглерам — колпаки и камзолы. В каждом из этих случаев речь шла о том, чтобы навязать некий узнаваемый сигнал, маркер социальной маргинальности, чтобы тех, кто занимаются подобным ремеслом, было невозможно даже случайно принять за порядочных граждан. В других местах (в частности, в немецких городах) сходные указания относительно одежды в полоску относились больше к прокаженным, калекам, цыганам и еретикам, реже — к иудеям и другим иноверцам¹⁵.

Несомненно, законы против роскоши и законы об одежде (они еще ждут своих исследователей¹⁶) были про-

диктованы этическими и экономическими соображениями, но в первую очередь мы видим тут момент социальный и идеологический. Фактически они устанавливали сегрегацию при помощи одежды — когда каждый гражданин обязан носить костюм, соответствующий его полу, состоянию и рангу. В подобных дискриминационных системах полосы оказываются идеальным маркером — очень заметные, они сильнее, чем что-либо, подчеркивают нарушение социальных норм. Это не форма, в отличие от полумесяца или звезды — это структура. А структура, с точки зрения средневекового символического восприятия и символических систем вообще, первичнее и важнее, нежели форма и цвет. Любой элемент в полосу, какими бы ни были его очертания и цветовая гамма, всегда маркирован сильнее, — а значит, является более «эффективным», — чем, например, желтый цвет и остроконечный колпак¹⁷.

Наконец, третий тип свидетельств представлен литературными текстами, в которых часто можно встретить эмблемы, содержащие полосы, либо отрицательных и просто малоприятных персонажей, одетых в полосатую одежду. Этот прием появляется в латинской литературе эпохи Каролингов, но особенно популярным становится в XII—XIII веках, когда он проникает в художественные тексты на разговорном языке, — в частности, это касается героического эпоса и куртуазных романов. Вероломные рыцари, сенешали-узурпаторы, жены-изменницы, непочтительные сыновья, братья-клятвопреступники, жестокие карлики, жадные слуги — любой из этих персонажей может быть «отмечен» полосками как в геральдике, так и в одежде. Полоски фигурируют на гербах и знаменах, латах и лошадиной попоне или просто на платье, штанах и головных уборах¹⁸. Все эти люди — *barrés*, т. е. «меченые» или «полосатые», и одного упоминания об

этих полосках достаточно, чтобы читателю было ясно, с кем он имеет дело. В середине XIII века эти вероломные персонажи попадают на страницы книг и становятся объектами иллюстраций, присоединяясь к уже существующему в иконографии сонму знаменитых предателей и нечестивцев, одетых в полосатую одежду.

Штаны святого Иосифа

Начиная с одиннадцатого века в европейском искусстве за фигурами в полосатой одежде закрепляются негативные коннотации. Первыми персонажами в этом ряду стали — сначала в книжной миниатюре, потом на фресках, а затем на других изображениях — герои Библии: Каин, Далила, Саул, Саломея, Каиафа, Иуда. Как и рыжие волосы, одежда в полоску представляет собой обычный атрибут предателя. Конечно, Каин и Иуда не обязательно рыжие и не всегда одеты в полосатое; но они оказываются рыжими и «полосатыми» гораздо чаще других библейских персонажей, и каждый раз это подчеркивает их вероломный характер¹⁹.

В середине XIII века список «плохих» персонажей, изображаемых в соответствующей одежде, значительно увеличился, в частности, в светской миниатюре. К библейским предателям добавились герои фольклора и литературных произведений, о которых мы говорили в предыдущем параграфе.

Самый известный персонаж такого рода — Ганелон из «Песни о Роланде». Кроме того, появляется целая толпа изгоев и маргиналов из различных сословий: в основном это представители упомянутых выше групп, чья одежда регламентировалась множеством законов. К Позднему Средневековью уже сформирован визуальный канон, очевидный как для художников, так и для их аудито-

рии. И в жизни, и на картинке одежда или другая вещь в полоску часто сигнализируют о том, что их владелец находится за пределами социума: он может быть осужденным (всевозможные мошенники, фальшивомонетчики, клятвопреступники и просто разбойники), больным (прокаженные, безумцы и умственно отсталые), заниматься черной работой (слуги) или позорным ремеслом. Помимо стандартного набора «жонглеры-проститутки-палачи», изображения сообщают и о других недостойных занятиях; среди их представителей — кузнецы (ведь известно, что все они колдуны), мясники (потому что они кровопийцы) и мельники (скряги и спекулянты!). Наконец, последняя категория маргиналов — мусульмане, иудеи и еретики. Подобно тому как все эти группы оказываются нарушителями общественного порядка, полоски нарушают цветовую гармонию и «правильный» способ одеваться.

Полоска никогда не приходит одна. Она «функционирует» и являет свой смысл только в сопоставлении или противопоставлении с другими изобразительными структурами, — это прежде всего однотонные и многоцветные поверхности, а также «ми-парти»²⁰, шахматный рисунок, расцветка в крапинку или в виде ромбов. В любом изображении полосатая одежда создает идею отличия, отклонения, тем самым акцентируя внимание на том, кто в нее одет. Как правило, это негативный акцент. Но бывает и так, что картина лишена этой манихейской однозначности, и тогда полоски несут значение чего-то амбивалентного и даже двусмысленного. Яркий пример подобного рода изображений мы находим в иконографии святого Иосифа.

Долгое время этого персонажа недооценивали, считая его лицом второстепенным и чуть ли не неуместным. В средневековой драме ему отведена откровенно комическая роль, его делают посмешищем, приписывая ему пороки, никак не фигурирующие в Евангелии, — глупость

(он не умеет считать), неловкость, жадность и особенно пьянство. Во время карнавальных шествий роль святого Иосифа часто отдавали деревенскому дурачку (эта традиция просуществовала вплоть до XVIII века²¹). То же мы видим и в изобразительном искусстве (в живописи, в скульптуре и гравюре), представляющем святого Иосифа в виде лысого, трясущегося старичка, всегда на заднем плане (даже в изображениях Рождества Христова), всегда в отдалении от Девы Марии и Младенца — дальше, чем волхвы, святая Анна и святая Елизавета. Отношение к святому Иосифу меняется только в эпоху Возрождения, когда формируется культ Святого семейства²². На смену старичку-простаку приходит достойный муж в расцвете сил, отец-кормилец и умелый плотник. Впрочем, долгое время он оставался двусмысленной фигурой (вера в естественное зачатие Иисуса была распространенной ересью). Но окончательное признание придет к святому Иосифу только в 1870 году, когда он будет провозглашен покровителем вселенской Церкви.

Возвращаясь к проблеме полосок, следует отметить, что самый интересный период в иконографии святого Иосифа относится к XV — началу XVI века. В это время он уже не вызывает презрения, как в эпоху Позднего Средневековья, но еще не вполне реабилитирован и уж точно не является объектом почитания. Чтобы подчеркнуть столь необычный статус, художники прибегают к целому ряду художественных приемов. Так, Иосифа очень часто изображают в полосатых шароварах — в XIV веке такие штаны были популярны в Рейнском и Мозанском регионах, затем эта мода проникла в Северную Германию, долину Рейна, Нидерланды и Швейцарию. Вплоть до 1510–1520 годов полосатые штаны довольно часто становятся объектом изображения в витражах, книжной миниатюре и на гобеленах. В последующие годы они почти полностью исчезают, за исключением нескольких гравюр XVII века²³.

Полоски на штанах не так значимы, как полоски на основной части костюма. Изобразить святого Иосифа в полосатом платье, тунике или плаще означало бы откровенное издевательство, тогда как полосатые штаны просто подчеркивают его специфический характер. В данном случае полоски оказываются скорее знаком амбивалентности, нежели бесчестия. Иосиф — не Каин и не Иуда, он не предатель. Он всего лишь *divers*, «иной», в том значении, в котором это слово употреблялось в языке XV века. Он не столь почитаем, как Дева Мария, но и не простой смертный, частично возвышенный, частично приниженный, отец, не являющийся таковым, фигура необходимая, но в чем-то неуместная, не такой, как все, двусмысленный, исключение из правил, словом, персонаж, воплощающий в себе самую суть XV века, — и полоски помогают нам это понять. А значит, они не только подчеркивают нарушения социальных и моральных норм, помогают отличить слуг от господ, жертв от палачей, здоровых от слабоумных, проклятых от избранных, но и помогают ориентироваться в более сложных системах ценностей, позволяя точнее почувствовать некоторые нюансы и оттенки смыслов. Таким образом, полоски оказываются одновременно и иконографическим кодом, и способом настройки на режим особой чувствительности при обработке зрительной информации. Такова двойная особенность полосок; поговорим же об этом поподробнее.

Поверхности: однотонная, полосатая,
многоцветная, крапчатая

Глаз средневекового человека особенно внимателен к материалу и структуре различных поверхностей. Эта структура, в частности, помогает ему различать места и предметы, видеть различные зоны и планы изображения,

улавливать ритм и логическую последовательность, делать сопоставления и противопоставления, распределять и классифицировать, составлять иерархию. Стены и полы, ткани и одежда, бытовая утварь, древесные листья, шерсть животных и человеческое тело —любая поверхность, естественная и искусственная, является носителем классификационных знаков. Тексты и изображения донесли до нас бесчисленное количество примеров подобного восприятия. В этой связи мне как исследователю представляется целесообразным разделить поверхности на три большие группы: одноцветные, многоцветные и полосатые, причем две последних категории предполагают множество вариантов (с точки зрения средневекового восприятия шахматная расцветка, например, представляет собой крайнюю форму рисунка в полоску). Остановимся на этих трех структурах и на том, какое значение они обретают, будучи воспроизведены на поверхности предметов или в изображении.

Действительно однотонная поверхность встречается крайне редко, что само по себе заслуживает внимания. Средневековые технологии не дают возможности добиться абсолютной однотонности, гладкости и чистоты на большинстве поверхностей (на ткани это правило не распространяется). С другой стороны, художники и ремесленники неохотно оставляют пустыми огромные пространства и часто уступают искушению заполнить или «одеть» их, продергивая поперечные нити, добавляют штриховку и пестроту, играя на контрастах, создают фрагменты, различные по своему материалу, текстуре, плотности и яркости. В живописи настоящие однотонные изображения встречаются довольно редко, они составляют скорее исключение из правил и выполняют конкретные задачи, связанные с выделением того или иного элемента изображения. Собственно, сама по себе

ровная однотонная поверхность относительно нейтральна. Но как только она оказывается противопоставлена полосатой, пятнистой или клетчатой, а также любой другой поверхности с вкраплениями другого цвета или следами отделки, она всегда выделяется как нечто особенное, или в хорошем, или в плохом смысле.

Многоцветная поверхность всегда означает что-то положительное; она более насыщенная и более ценная по сравнению с однотонной. По сути, это одноцветная поверхность, на которую с регулярным интервалом нанесены геометрические фигуры или геральдические знаки: точка, полумесяц, звезда, кольцо, трэф, геральдическая линия. Как правило, фигуры, расположенные таким образом, бывают более светлыми, чем сама поверхность, служащая им фоном. Многоцветная поверхность почти всегда связана с чем-то торжественным, величественным и даже священным. Вероятно, поэтому она фигурирует на королевских регалиях и коронационной мантии, используется при изготовлении предметов богослужения, присутствует на многих картинах с божественным сюжетом. Изображения Пресвятой Девы пестрят многоцветием. Что же касается герба французских королей — золотые лилии на лазурном фоне, то он представляет собой самый совершенный пример средневекового многоцветия. Это одновременно знак правящего дома, космический орнамент, атрибут Девы Марии, символ верховной власти и плодородия²⁴.

Что же касается иконографии, то в этом отношении любая многоцветная структура представляет собой статичное, фронтальное изображение, как бы прибитое к поверхности своего материального носителя, смотрящее на зрителя в упор. Оно не рассказывает о себе и не описывает себя, оно просто есть.

Поверхность в крапинку — то же многоцветие, только неправильное. В этом случае маленькие фигуры расположены беспорядочно, а главное, сами они неправильной формы — это уже не звезды, полумесяцы и крестики, но случайные сочетания и просто цветочные пятна. Они воплощают в себе идею беспорядка, путаницы, деструкции. Иногда бывает сложно увидеть различие между многоцветным и крапчатым изображением; но в символическом отношении они являют собой два противоположных мира, божественный и дьявольский. Дело в том, что пятна на теле человека или животного вызывают аналогию с волосяным покровом, воспринимаются как признак болезни и нечистоты. Соответственно, крапчатая поверхность может ассоциироваться с кожными высыпаниями, с золотухой и бубонной чумой. В обществе, постоянно страдавшем от эпидемий кожных заболеваний, где их принято было бояться, — вспомним об участии так называемых «прокаженных», — крапчатые поверхности оказываются связанными с разложением, с существованием за пределами социума, близости к смерти и аду. Недаром демоны и черти часто изображаются в пятнистых одеяниях²⁵.

Впрочем, эти твари могут быть и «полосатыми», что в определенном смысле не так серьезно, но более двусмысленно. Полоски являют собой противоположность как однотонной, так и крапчатой поверхности, и художники нередко прибегают к этому контрасту. Но у них есть и другая функция: полосатая поверхность ритмична, динамична, связана с повествованием, она обозначает действие, переход из одного состояния в другое. На миниатюрах XIII века Люцифер и взбунтовавшиеся ангелы часто изображались с горизонтальными полосами по всему телу — живым свидетельством их разложения. С другой стороны, эти полосы подчеркивают определенный эле-

мент изображения, поскольку любой элемент в полосу сразу бросается в глаза — таково свойство нашего взгляда. Фламандские живописцы XV и XVI веков иногда прибегали к такой хитрости: они помещали персонаж в полосатой одежде в центре картины, зная, что именно на нем зритель сфокусирует свое внимание прежде всего. Иногда это создает эффект оптической иллюзии. Мемлинг, Босх, Брейгель и некоторые другие владели этим приемом в совершенстве — они ставили на видное место не человека, сыгравшего ключевую роль в данном эпизоде или во всей истории, а третьестепенного персонажа, чтобы отвлечь на какое-то время наше внимание от более важного фрагмента картины, который, по замыслу автора, постепенно откроется зрителю. Например, Брейгель в своем знаменитом «Несении Креста» (1563), огромном полотне, где задействовано более 500 персонажей, поместил почти в самом центре композиции простого крестьянина, неизвестного и ничем не примечательного; он идет торопливым шагом, одетый в шапочку и красно-белое платье в косую полосу. Поскольку полосы резко выделяются на фоне всего остального, зритель обращает внимание на него, а не на передний план картины, где Иоанн и несколько женщин пытаются поддержать безутешную Деву Марию, и уж тем более не на заднюю часть картины, где изображен Христос, упавший под тяжестью своего креста, Христос, потерянный и забытый посреди равнодушной толпы²⁶.

Позволительно задаться вопросом, почему в отношении визуальности полосы имеют безусловный приоритет по сравнению с другими структурами. Любой полосатый элемент бросается в глаза раньше, чем однотонная, многоцветная и даже крапчатая поверхность. Может быть, это феномен восприятия, характерный для представителей европейской цивилизации? Или тут проявля-

ется свойство другого порядка, общее для человека и некоторых животных? Что здесь от биологии и что от культуры, и если существует между ними граница, то где она проходит? Я попытаюсь ответить на эти трудные вопросы в конце книги.

Что мы можем утверждать уже сейчас, так это что в Средние века полоски связаны с идеей разнообразия (латинское *varietas*). «Полосатый» (*virgulatus, lineatus, fasciatus* и др.) может употребляться в том же значении, что и слово «разнообразный» (*varius*), и эта синонимия сразу же сообщает полоскам отрицательную окраску. Дело в том, что в средневековой культуре *varius* (разнообразный, пестрый) обозначает что-то нечистое, агрессивное, аморальное или лживое. Человек, которого характеризуют как *varius* (непостоянный, переменчивый), непременно покажет себя хитрецом, лгуном, жестоким человеком, он может страдать от кожных или психических заболеваний. Кроме того, существительное *varietas* означает обман, злобу и проказу²⁷. Естественно, что предатели (Каин, Иуда), люди жестокосердые (палачи), «безумцы» (придворные шуты, юродивый из Книги Псалмов) и больные (прокаженные) часто изображаются в полосатой одежде. Здесь мы наблюдаем огромный разрыв между восприятием современного человека, для которого «разнообразие» является скорее положительным качеством, связанным с молодостью, толерантностью и любознательностью, — и человека Средневековья, видевшем в этом исключительно отрицательные стороны. Добрый христианин, честный человек не может быть *varius*. Понятие *varietas* вызывает ассоциации с грехом и преисподней.

Подобный подход распространялся и на животных — те из них, у кого шкура была полосатой (*tigridus*) или пятнистой (*maculosus*), считались опасными тварями. Они могут быть жестокими и кровожадными, как тигр, гиена

и леопард (в средневековом мифологическом сознании леопард имеет мало общего с одноименным представителем семейства кошачьих — это скорее «отрицательный» двойник льва²⁸), ворами, как форель и сорока, коварными, как оса и змея, связанными с нечистой силой, как кошка и дракон. Даже зебра, о которой так любили порассуждать зоологи Ренессанса, в Позднем Средневековье имела репутацию крайне опасного зверя. Конечно, те, кто это утверждал, никогда ее не видели и имели о ней довольно смутное представление (они принимали ее за разновидность осла или онагра), но одного факта, что она полосатая, было достаточно, чтобы счесть ее кроважидным, прямо-таки дьявольским чудовищем и включить ее в соответствующий бестиарий²⁹. Позднее мы увидим, как это загадочное животное будет реабилитировано в эпоху Просвещения.

Впрочем, любая лошадь, если в ее масти было больше одного цвета, компрометировала своего наездника. В литературных текстах, в частности в рыцарских романах, существует такой топос: герой на белом коне, противостоящий предателю, незаконнорожденному или чужеземцу, у которого лошадь *de deus colours*, двух цветов — *vairé*, в яблоках, полосатая, гнедая, пегая и т. д.³⁰ Сходную систему персонажей мы видим и в Романе о Лисе: звери с полосатой (барсук Гримбер) или пятнистой (кот Тибер) шкурой объединяются со зверями с рыжей шкурой (лис Ренар, бельчонок Руссо) и образуют клан лгунов, воров, развратников и скряг. В мире животных, как и в мире людей, быть рыжим значит примерно то же, что и полосатым или пятнистым.

Это предубеждение и даже страх перед пятнистыми и полосатыми животными жили в народном сознании очень долго. Вспомним знаменитую историю с Жеводанским зверем, наводившим ужас на жителей Оверни и

Биварэ в 1764–1767 годах, — очевидцы описывали его как огромного волка с широкими полосами вдоль спины³¹. Будучи исчадием ада, этот «зверь» просто обязан был быть полосатым. Такие же полосы были замечены у всех остальных «Жеводанских зверей», которые в течение многих десятилетий, кое-где вплоть до середины XIX века, поражали воображение и наводили ужас на целые деревни в большей части французских провинций³². Заметим напоследок, что и сегодня тигр, чьею шкурой мы любуемся и которого мы можем увидеть только в зоопарке, остается в нашей мифологии символом невероятной жестокости.

Что касается семиотики, это характерное для средневековой культуры сближение между полосатым и крапчатым заставляет задуматься о самом понятии структуры. Для нас структура начинается там, где есть минимум три элемента. Для человека Средневековья, напротив, двоичный код ничем не отличается от троичного, четверичного, десятичного и т. д. С одной стороны — плоскостное изображение (в старофранцузском и в геральдической терминологии известное как «plain»), с другой, другие структуры — пятнистая, полосатая, в клетку, которые в конечном итоге выражают одну и ту же идею. В отношении цвета происходит то же самое — понятия бихромии и полихромии не различаются. Проститутка в красно-желтом платье в полоску, жонглер, шут (будущий Арлекин), чей костюм украшают разноцветные квадраты и ромбы (и не важно, сколько цветов в палитре — три, десять или двадцать³³), — все они, за счет своего платья, являют одну и ту же идею — идею смятения, беспорядка, шума и нечистоты. Десять цветов равны двум, две полосы значат примерно то же, что десять квадратов и сто ромбов. Полосатая, пятнистая, пестрая и разноцветная поверхности могут отличаться визуально — особенно

если учесть проблему двупланового изображения³⁴, о которой мы поговорим в связи с гербами, — но социальный и концептуальный смысл у них один и тот же. Они просто символизируют различные степени одного и того же состояния — отклонения от нормы.

Фон и фигура: полосы в геральдике

Существует идеальная система знаков, позволяющая историку и семиологу рассмотреть во всех ответвлениях ту сложную систему связей, что объединяют социологический и визуальный аспект проблемы полосок: это «благон» — свод правил и терминов, использующихся при воспроизведении гербов.

Первые гербы были созданы в XII веке по соображениям как военного (это позволяло сразу идентифицировать сражающихся на поле битвы и во время турниров), так и социального характера (потребность в отличительных знаках для представителей высших слоев феодального общества); их можно определить как цветные эмблемы, принадлежащие человеку или группе людей и составленные по определенным правилам. Именно эти правила, немногочисленные, но весьма жесткие, отличают европейскую геральдику от остальных эмблематических систем, существовавших до и после рассматриваемого периода. В середине XII века гербы быстро получают довольно широкое распространение, завоевывая все новые территории и входя в обиход в различных слоях общества. К 1300 году они употребляются уже повсеместно. Кто угодно может составить себе герб по своему вкусу, единственное условие — нельзя заимствовать уже существующий герб. Наступает эпоха расцвета геральдической системы. Гербы — это одновременно знак рода, маркер состоятельно-

сти и набор орнаментальных элементов; их можно встретить повсюду — они фигурируют на гражданских костюмах и военной форме, украшают здания и памятники, мебель и ткани, значатся на книгах, печатях, монетах, произведениях искусства и бытовой утвари. Им находится место и в церкви — многие соборы превращаются, по сути, в настоящие музеи геральдики³⁵.

Науке известно около миллиона гербов — речь идет исключительно о европейских «официально признанных» гербах, как средневековых, так и современных; около 15 процентов из них содержат полосы. Но за этой статистикой кроются разные реальности — в геральдике полоска полоске рознь. Что касается формы, множить варианты и подварианты можно до бесконечности. Если же сосредоточиться на символическом аспекте, то существует большая разница между гербами реальных исторических лиц и семейств и гербами, принадлежащими вымышленным героям. В первом случае полосы на гербе не несут никакого символического значения, во втором — содержат явные пейоративные коннотации. Остановимся на этом более подробно.

В геральдической терминологии нет таких слов, как «полоски» и «полосатый». Не существует даже общего понятия, обозначающего фигуры и структуры в полоску. Зато она проводит четкое различие между полосками, возникшими в результате разбивания щита на несколько лент (это *истинные деления*), и полосками, которые просто наложены на одноцветную плоскость (это *фигуры*). В первом случае число полос четное, изображение плоскостное, при абсолютном цветовом равновесии. Во втором — количество полос нечетное, изображение двуплановое, так что полосы, которых больше, чем полос другого цвета, как бы составляют задний план, фон. В блазоне, как и с точки зрения средневекового восприятия вообще,

настоящими полосками считаются только те, что образуют *деления*, – именно они создают монолитное пространство, где фигура совпадает с фоном. Перед нами единственная плоскость изображения (в многоцветном и пятнистом их две – фон и передний план с пятнами или разноцветными фигурами), но ее поверхность не едина! Это само по себе является чем-то странным, неким извращением, притягивающим скандал. Поверхность в полоску всегда как будто обманывает глаз, не давая ему отличить фон от фигуры на нем. Принятый в Средневековые способ чтения – последовательное вычитывание слоя за слоем, начиная с заднего плана и заканчивая наиболее приближенным к точке просмотра, – становится невозможным. Многослойная структура, к которой так восприимчив и приучен взгляд человека Средневековья, исчезла, и глаз больше не знает, откуда ему начинать читать, где искать фон. Именно поэтому в любой поверхности в полоску ему видится дьявольское извращение.

Блазон – система сложная и тонкая, в частности, он содержит множество точных терминов, позволяющих определить и охарактеризовать различные гербы: это, во-первых, щиты, образуемые горизонтальными и вертикальными полосками (соответственно, *пересеченный* и *рассеченный*), а также состоящие из косых полос, идущих слева направо (*скошенный слева*) и наоборот (*скошенный справа*). С точки зрения блазона это совершенно разные структуры. Первые три щита встречаются часто, щиты четвертого типа довольно редко (за исключением Италии), поэтому негативные коннотации закрепились именно за ними – их обладателями, как правило, были вероломные рыцари и люди, чье происхождение «небезупречно», в основном незаконнорожденные. Замечательно, что эти гербы носят то же название, что и кармелитские плащи, – *barrés*, «перечеркнутые».

Таковы четыре основных типа; но изобретательность блазона этим не ограничивается. Существует еще множество вариантов, в зависимости от количества, ширины, а главное, от формы полосок — они могут быть прямыми, ломаными, прерывистыми, волнистыми и т. д. Возьмем, к примеру, щит с горизонтальными полосками. Если линии в пересеченном щите неровные — перед нами чешуевидно-пересеченный щит, если волнистые — волнисто-пересеченный; полосы с башенками образуют зубчато-пересеченный щит, при этом, когда зубцы треугольной формы, герб называется зубовидно-пересеченным, а если они острые и высокие — заостренно-пересеченным. Вариации можно продолжать до бесконечности — перед нами типичный пример системы с открытым кодом.

Эти упражнения в геометрии и словообразовании — не случайность и не бесплатное развлечение. Они не только дают возможность всем членам общества получить свой герб, используя в качестве базы простые и легко изображаемые фигуры, но и позволяют их систематизировать по степени родства. В одной и той же семье, например, члены старшей ветви могут иметь щит, пересеченный на серебро и лазурь (т. е. в сине-белую горизонтальную полосу), а представители младших ветвей — щиты с такими же полосами в той же цветовой гамме, но уже с другими делениями — волнисто-пересеченными, заостренно-пересеченными и зубчато-пересеченными. В результате при взгляде на них создается впечатление некоторой однородности, призванной подчеркнуть сплоченность семьи, и в то же время можно заметить брызги — отличия, помогающие различать отдельные ветви. При всей экономии средств геральдике удастся выявить тончайшие нюансы, отображая весьма сложные системы родственных связей.

Подобные коды, позволяющие вписать человека в соответствующую группу, а группу — в отведенное ей место в рамках данного социума, существуют не только в Европе, но и в Азии, Африке, и особенно в Южной. Чаше всего эти изображения фиксируются на тканях, в основном на одежде и аксессуарах к ней. В Андах, например, принято носить ткани или одежду с поперечными полосами, между которыми существует масса тонких отличий, помогающих идентифицировать этносы, кланы и семейные группы³⁶. Нечто подобное можно увидеть в Шотландии, правда, и в привязке к другим социальным структурам — вспомним хотя бы о знаменитой клетчатой расцветке (вошедшей в употребление не раньше XVIII века)³⁷. Но наибольшую гибкость и способность запечатлевать сложные структуры являют именно гербы. Кроме всего прочего, у них есть одно преимущество перед эмблемами, использующимися в других социумах и культурах: они могут функционировать на любом материальном носителе, будь то дерево, камень, бумага, металл, кожа и т. д. Герб можно начертить, выгравировать, запечатлеть в красках — и это будет все тот же герб (в этом отношении он подобен букве). В геральдике, как и в других областях средневековой культуры, первична структура, а не форма; герб, по сути, представляет собой не столько изображение, сколько структуру изображения. В некотором смысле этот закон геральдики распространяется на все полосы, в любой области, поскольку полоска связана прежде всего со структурой, и только потом с формой.

Другой особенностью европейской геральдической системы является традиция создания гербов для вымышленных лиц: литературных героев, библейских персонажей, мифологических существ, персонифицированных пороков и добродетелей. Подобная практика возникла одновременно с появлением геральдики, т. е. в середине

XII века, и просуществовала вплоть до Нового времени. Благодаря этим вымышленным гербам в распоряжении историков оказалась масса материала, незаменимого при изучении символического измерения геральдики (с реальными гербами этот метод не работает). Сопоставляя факты и представления о персонаже с фигурами и цветами герба, выбранного для его характеристики, можно прояснить для себя его систему ценностей, что позволит определить значения соответствующих фигур и красок.

Что же касается полосок и «полосатых» фигур, то в гербах вымышленных героев мы найдем все те же негативные коннотации, о которых мы говорили в связи с одеждой и изобразительным искусством. Как правило, щиты с полосками являются маркером злых и просто отрицательных персонажей. В литературных текстах их владельцами становятся вероломные рыцари, принцы-узурпаторы, лица низкого происхождения (незаконнорожденные и простолюдины), все, кто поступает жестоко, бесчестно или нечестиво. Иллюстраторы наделяют подобными гербами в полоску языческих королей, представителей нечистой силы и персонифицированные пороки (прежде всего непостоянство, лживость и хитрость).

Конечно, вышеупомянутые гербы с полосками — не единственные отрицательно окрашенные геральдические фигуры (существует еще полумесяц и шахматный рисунок, а также изображения некоторых животных, как то: леопард, обезьяна, козел, змея, дракон и жаба), — но они составляют существенную их часть³⁸. А эксперименты с формой полос создают целую палитру значений и оттенков смысла: так, рыцарь с пересеченным щитом будет считаться человеком вероломным, но это вероломство будет не столь возмутительным, как, например, коварство другого рыцаря — обладателя зубовидно-пересеченного щита (с горизонтальными полосами, изогнутыми «елочкой»).

Все они содержат отрицательные коннотации, но по-разному и в разной степени.

Как историк я не могу не задаться вопросом, каково было жить под таким знаком и как он воспринимался окружающими. Если говорить о литературе, то почти все «полосатые» гербы осмысляются как нечто негативное. В реальности же таких гербов насчитывалось огромное количество, и многие из них были очень престижными. Гербом королевства Арагон, например, по крайней мере начиная с конца XII века, был щит, рассеченный на золото и червлен, т. е. на вертикальные полосы красного и желтого цвета. Возможно, тут сказались традиции провансальского прикладного искусства; вообще же этот герб, скорее всего, ведет свое происхождение от старинного знамени времен феодальной раздробленности, где такие полосы символизировали единение. В данном случае полосы образуют престижную эмблему и совсем не являются знаком низкого социального статуса³⁹. Как воспринимался этот разрыв между реальными и вымышленными гербами? Члены этой семьи были принцами и высокопоставленными вельможами — как могли они согласиться на герб в полосу, притом что они прекрасно знали, что во многих литературных текстах и произведениях искусства такие гербы носили отрицательные персонажи. Что тут играет решающую роль — контекст, или же уровень прочтения, или состояние того, кто на этот герб смотрит? Как бы то ни было, геральдический код предстает здесь как один из самых продуктивных, коль скоро одной структуре изображения могут соответствовать две различные или даже противоположные системы значений.

То, что мы сказали о гербах в полосу, относится и к флагам, которые фактически являются их преемниками. Мы еще вернемся к этому, а пока отметим, что флаги многих европейских стран восходят к гербам старинных

феодалных родов, в том числе королевских семей. Естественно, что жители той или иной страны не могут видеть ничего низкого в своем национальном или государственном флаге. В данном случае полосы уже совершенно лишены негативных значений, свойственных гербам вымышленных персонажей. Впрочем, остатки таких коннотаций прослеживаются в лакейской ливрее и одежде прислуги. Хотя полосы уже не считаются чем-то дьявольским, они остаются маркером низкого социального статуса.

ОТ ГОРИЗОНТАЛИ К ВЕРТИКАЛИ И ОБРАТНО (XVI–XIX ВЕКА)

В Новое время полосы постепенно приобретают иной статус. Появляются новые формы и значения, при том что прежние характеристики не исчезают полностью. Ткани в полосу по-прежнему являются составной частью эмблем и костюмов, но не только — они все чаще присутствуют во внутреннем убранстве дома, используются при изготовлении мебели, бытовой утвари и предметов гигиены, играют важную роль в повседневной жизни и в морском деле. У полосок все больше функций — соответственно возрастает и разнообразие значений. Отныне полосы не всегда несут негативные коннотации. Напротив, в эпоху Старого режима, особенно к концу XVIII века, мы видим настоящий расцвет «правильных» полосок — они заметно потеснили «отрицательные» полосы, не говоря о том, что сам факт их появления знаменует собой зарю новой эпохи. В то же время постепенно приходит конец господству горизонтальных полосок, зато вертикальных, на которые Средние века не были слишком щедры, становится все больше. Это способствует появлению новых ритмов и структур: двуцветная гамма уже не является строго обязательной, отныне в одном рисунке допускаются полосы трех или четырех цветов, и даже больше, а также полосы разной ширины.

При таком разнообразии форм прежняя классификация одежды по социальному признаку, ее деление на «мар-

гинальную» и «правильную», становится невозможной. Поскольку одежда в полоску больше не воспринимается как нечто дьявольское, она становится популярной в других обществах. В Европе XVIII века аристократические полоски соседствуют с крестьянскими, праздничные — с будничными, полоски как знаки экзотики — с полосками на одежде прислуги.

От дьявола к прислуге

Главное, что можно сказать о полосатой одежде в конце Средневековья — ее статус достаточно быстро изменился. Она перестает ассоциироваться с чем-то дьявольским и приобретает совсем иные значения. Постепенно полоски становятся знаком служения и подчиненного положения. Возможно, это произошло само по себе, либо тут сказались прежние коннотации, связанные с идеей нечистоты и нарушением социальных норм. И именно благодаря новой служебной функции полоски входят в широкое употребление.

По правде говоря, «служебные» полоски имеют давнюю историю — примеры тому можно найти еще в императорском Риме⁴⁰. Но античные полоски существенно отличаются от тех, о которых мы сейчас говорим, возникших в эпоху феодализма. В Европе они появляются в XI веке, когда общество начинает использовать все больше таксономических маркеров, причем фиксируются они прежде всего в одежде. Форма, цвет, текстура, изобразительные мотивы, декоративные элементы и аксессуары — все это отныне служит для того, чтобы классифицировать людей и группы людей, а также, в некоторых случаях, отношения между ними (родственные и вассальные). Геральдика как таковая еще не сформировалась, зато система одежды в значительной мере выполняла эмблема-

тическую функцию — и полосы задействовались в ней достаточно активно.

Первые костюмы в полоску подчеркивали прежде всего подчиненное положение своих обладателей, инфернальные же коннотации присутствовали далеко не всегда (хотя в Средние века эти два типа негативных значений четко не разделялись). Полосатую одежду носили слуги при дворах знати: прежде всего дворцовая челядь, люди, служившие на кухне или на конюшне, а также кравчие; позже к ним присоединяются стражники, псары, ловчие, сержанты, священники, словом, слуги самого разного толка. Затем, в течение XII века, одежда в полоску становится атрибутом всех, кто несет какую-либо службу и просто живет за счет представителей аристократии: стольников, казначеев, егермейстеров, сокольничьих, герольдов, шутов и музыкантов. Список меняется в зависимости от времени и региона, а также типа источника: изображения донесли до нас более обильную и разнообразную информацию, нежели тексты. Создается впечатление, что раньше всего эта практика укоренилась в немецких землях, прежде всего в Южной Германии и прирейнских землях, где и продержалась в течение всего Средневековья вплоть до начала Нового времени⁴¹.

После появления гербов, т. е. примерно с середины XII века, в полосатых костюмах появляются геральдические элементы. Полоски на одежде прислуги и дружины выполняются уже не в двуцветной гамме, но приобретают традиционные цвета сеньора, даже если на его гербе нет никаких полосок. Кроме того, геральдическая одежда «ми-парти», разделенная по вертикали на две половины разного цвета, стала восприниматься как аналог одежды в полоску. Соответственно, ливрея в восприятии современников соотносилась с одеждой людей, которые были исключены из социума или оказались в самом низу

общественной иерархии (мы говорили об этом в предыдущей главе), и так продолжалось вплоть до конца Средневековья⁴². В структурном отношении эта аналогия представляет особый интерес, показывая, что человек Средневековья не видел разницы между простым двуцветным изображением и полосками, т. е. серией элементов, чередующих оба цвета.

Кроме того, тут имеет место метонимия, что само по себе характерно для рассматриваемого предмета: даже если полосатым или двуцветным оказывается всего один участок одежды, это имеет такое же значение, как если бы речь шла о всем костюме целиком. Чаще всего в этой роли выступают штаны в полоску (вспомним святого Иосифа) или двуцветные рукава — этой детали достаточно, чтобы подчеркнуть какие-либо отрицательные свойства человека, в моральном или социальном плане: в средневековой культуре часть всегда равнозначна целому.

В начале XV — середине XVI века мода на одежду в полоску среди слуг достигла своего апогея. Она затронула как женщин, так и мужчин. До нас дошло огромное множество картин, где фигурируют кофта, платье или передник в полоску. Столь же часто в полосатой одежде изображались пажи, слуги и чернокожие рабы, особенно в первые годы XVI века. В последнем случае к привычной ассоциации «полоски-прислуга» добавляется еще одно измерение — полоски как знак экзотики. Такое сочетание было характерно для Италии, особенно для Венеции, куда доставляли негров-подростков из Африки, чтобы те прислуживали во дворцах венецианских патрициев⁴³. Вскоре это увлечение Африкой превращается в настоящую моду, распространившуюся на значительной части Аппенинского полуострова, а также по ту сторону Альп. В каждом дворце, при каждом дворе были свои «черные рабы», которых любили одевать в полосатые одежды. Полоски

означали, что данный человек родом с Востока (именно там, с точки зрения средневековой цивилизации, находилась Африка), что он изначально язычник и находится в услужении. И хотя в 1560–1580 годах эта мода постепенно сошла на нет, время от времени она вновь появлялась, вплоть до XIX века.

Связка «прислуга—полоска—чернокожие» оставила глубокий след в живописи и гравюре. Так, начиная с XV века художники, обращавшиеся к сюжету «Поклонения волхвов», часто изображали негритянского царя одетым в полосатое одеяние⁴⁴. Столетие спустя подобная одежда стала обязательным атрибутом этого персонажа. При этом Бальтазар уж никак не был ни рабом, ни маргиналом, напротив. Просто африканцы стали прочно ассоциироваться с костюмом в полоску, вне зависимости от своего социального статуса. В частности, Веронезе всегда облачает в подобные одежды своих чернокожих персонажей или же, в порядке обыгрывания собственных приемов, свойственного большим художникам, помещает рядом с негром белого в полосатом одеянии.

Традиция ассоциировать чернокожих с полосками просуществовала довольно долго, в частности, в гравюре — но особенно в театральном искусстве, в любых представлениях или ритуалах, где присутствует элемент переодевания. Полоски сразу же превращают человека в «дикаря», нарушителя социальных и культурных норм, — и так будет в течение всего Нового времени. Постепенно полоски выходят за рамки африканской темы и становятся символом жизни в естественном состоянии и знаком экзотики вообще⁴⁵. На изображениях американских индейцев, а позднее и жителей Океании, также присутствовали полоски или на одежде, или в виде татуировки. Для Запада полоски, или, по крайней мере, полоски опреде-

ленного рода, стали неперменным атрибутом народов, считавшихся наиболее далекими от «цивилизации».

Что же касается полосатых костюмов, которые носила прислуга, они никуда не исчезли. На протяжении всей эпохи Старого режима полосы, как геральдические, так и не несущие специальных коннотаций, украшали лакейские ливреи, а их прямой потомок, полосатый жилет, просуществовал до середины XX века. Возникнув в викторианской Англии, этот жилет, обычно в черно-желтую полоску, очень скоро получил распространение в Европе и Америке в качестве специфического атрибута гостиничного персонала⁴⁶. Сегодня он уже практически вышел из употребления, но воспоминание о нем еще живо. Свидетельство тому — кино, карикатура и комиксы, три вида искусства, где предметы одежды играют существенную роль и где метрдотель в жилете с вертикальными полосками может быть только метрдотелем. Один из самых известных персонажей такого рода — Нестор, дворецкий капитана Хэддока из комиксов о Тантане за авторством Эрже. Каковы бы ни были обстоятельства, он всегда предстает в своем неизменном полосатом жилете.

В конце XIX века слуг, носивших подобные жилеты, называли «тиграми», *tigers*, как правило, речь шла об африканцах. Полоски, ассоциировавшиеся с прислужгой, экзотикой и животным миром, блистательно сошлись в одной метафоре, довольно пренебрежительной по тону. Эти «тигры» уже давно исчезли из передних, но на рекламных объявлениях их можно было увидеть вплоть до середины XX века.

Другим продолжением средневековых полосок и ливрей Старого режима стала униформа — сперва гражданская (ее носили сторожа охотничьих угодий, стражи правопорядка и работники различных служб), а потом и военная. Здесь полосы и блазон вновь встретились, что-

бы создать систему эмблем, организовать группы и выстроить иерархию внутри них. Первые военные костюмы в полоску появляются в XV веке — так одевались наемники на службе у крупных держав — ландскнехты, что в переводе с немецкого значит буквально «служители земель». Начиная с XVII века, когда возникла собственно униформа (в современном смысле слова), в армиях большинства европейских стран входят в употребление военные полоски, связанные с разного рода знаками, знаменами и флагами. Как мы увидим далее, полоски проникнут и на флот, правда, совсем другим путем.

ОТ ПРИСЛУГИ К РОМАНТИКАМ

В Новое время параллельно с полосками, связанными с миром прислуги и просуществовавшими на протяжении всей эпохи Старого режима, получила распространение еще одна категория — «престижные» полоски, совершенно лишённые «дьявольских» и просто уничижительных коннотаций. Эти полоски — атрибут аристократии, вообще «приличного общества» и всегда знак хорошего тона — впервые обрели популярность в XVI веке; расцвет этой моды пришелся на вторую половину XVIII века — эпоху предромантизма. Сначала они появляются на одежде, затем на других тканях, в частности на обивке мебели.

Явление это возникает еще в Позднем Средневековье в городах Северной Италии. В середине XIV века, когда чума отступила, молодые патриции Венеции, Милана и Генуи, в радости, что они остались в живых после тяжких испытаний, стали предаваться разного рода излишествах. Первой такой выходкой стало ношение одежды с полосатыми рукавами и штанинами. Полоски на них были расположены особым образом, не горизонтально, —

в отличие от полосок, которые полагалось носить изгнанным за пределы социума или получившим в нем самый низкий статус, — а вертикально. Это немного сгладило скандал, по-прежнему сопутствующий полосатой одежде, но не потушило его полностью. Полосатые одеяния все еще прочно ассоциировались с нарушением социальных и моральных норм, и всякий, кто решал в них показаться, явно рассчитывал на эпатаж⁴⁷. Но закон и власти выступили единым фронтом, так что срок, отведенный новому увлечению, был неизбежно краток. После 1380 года эта мода стала гораздо сдержаннее, но полностью не исчезла.

В ходе следующего столетия этот стиль практически не проявлялся, поскольку законодателем европейской моды и центром формирования этических, эстетических и юридических норм был двор герцога Бургундского, славившийся строгостью вкусов. Новый виток популярности вертикальных полос наметился в конце столетия и, особенно, в десятилетиях XVI века, сначала в Германии, потом в Италии, позднее во Франции и Англии. Времена изменились, и «новые» полоски, в отличие от своих предшественниц, уже не несли на себе отпечаток чего-то недостойного. Некоторые правители даже подают пример, позируя для портрета в камзоле или штанах в полоску (см. портрет Франциска I кисти Клуэ и портрет Генриха VIII, выполненный Гольбейном). Герцоги и бароны им подражают. Вертикальные полоски начинают ассоциироваться с чем-то аристократическим, в отличие от горизонтальных, по-прежнему остающихся знаком подчиненного положения. Только испанский королевский двор, унаследовавший строгий этикет бургундского двора, не поддавался всеобщему увлечению, достигшему своего апогея около 1520 года. Последующие события — Реформация, войны, экономические трудности, религиозные войны и политическая смута, Контрреформация — способствовали возвра-

щению к более строгим костюмам неярких цветов, не оставляющим места для фантазии, а значит, и для полосок⁴⁸.

Однако в двадцатых–тридцатых годах XVII века полоски вновь появляются на горизонте. В это время в моде испанский костюм, обыгрывающий определенные детали (например, рукав, оборки или штанины), — и полоски участвуют в этой игре. Как правило, это «караваджевские» полоски, выполненные в темных цветах, чередующие, например, охра и коричневый, черный и фиолетовый, иногда зеленый и золотой цвета. Их популярность не вышла за пределы аристократического круга и продлилась недолго. Она заканчивается ближе к середине века, вместе с Тридцатилетней войной и ландскнехтами — когда-то именно они, со своими полосатыми мундирами, породили эту моду, теперь же в силу своей дурной репутации наемники, несомненно, способствовали отказу от нее⁴⁹.

После этого полоски надолго вышли из употребления, за исключением придворных платьев и аксессуаров к женским костюмам конца века. Ни французский классицизм, ни итальянское и немецкое барокко не поощряли любовь к одежде и разного рода поверхностям в полоску. Правда, время от времени в поле обозрения возникают полоски как примета экзотики, в связи с наметившимся в ту пору интересом к Востоку и всему турецкому. Они появляются все чаще, сначала во Франции в эпоху регентства Марии Медичи, затем, к середине XVIII века, распространяются во всей Европе. Популярной забавой того времени были переодевания в султанов и султанш, и зачастую полосатой ткани было достаточно, чтобы придать костюму восточный характер.

Все изменилось после 1775 года. В течение одного десятилетия, последовавшего за американской революцией, полоски, которые поколением раньше встречались редко и исключительно как знак экзотики, покорили мир

одежды, текстильных изделий, эмблем и декора. Началась эпоха романтических и революционных полосок — они зародились в Новом Свете, но благодатную почву обрели в старой Европе. Эти полоски положили начало широкомасштабному явлению, которое продлится больше полувека, затронет все слои общества и существенно изменит вид и культурный статус полосок и полосатых поверхностей.

Воцарение полосок нового типа было связано с постепенной утратой негативных коннотаций, отличавших полосатую одежду со времен Средневековья. Коннотации эти не исчезают полностью — далее мы увидим, в какой форме они присутствуют в современных обществах, — однако по сравнению с XVII веком становятся все более редкими и случайными. Ту же тенденцию можно наблюдать в дискуссиях натуралистов о зебре и о месте, занимаемом этим животным в разных системах представлений. В отличие от зоологов XVI века, считавших этого дикого осла» тварью опасной и несовершенной, даже нечистой, Бюффон, напротив, видит в ней гармоничное создание: «Из всех четвероногих зебра, возможно, обладает самой элегантной внешностью; у нее фигура и красота лошади, легкость оленя и платье в полоску из черных и белых лент, расположенных с такой регулярностью и симметрией, что, кажется, природа воспользовалась линейкой и компасом, чтобы раскрасить ее. Чередующиеся черные и белые полосы тем уникальнее, что они узки, параллельны и очень четко разграничены, точно на ткани в полоску; они тянутся не только по всему телу, но и по голове, ляжкам и ногам, доходя до ушей и хвоста. У самки полоски чередуют черный и белый цвета, у самца — черный и желтый, но всегда яркого оттенка; они сверкают на короткой, тонкой и густой шерсти, чей блеск увеличивает красоту цветов»⁵⁰.

Бюффон — сын эпохи Просвещения; полосы не внушают ему ни страха, ни отвращения, как то было с его предшественниками. Напротив, они интригуют и привлекают его и отныне будут точно так же привлекать и интриговать его читателей и современников. Конечно, романтическое направление в истории полосок было вызвано к жизни не Бюффоном с его «Естественной историей», и все же этот труд недвусмысленно свидетельствует о новом отношении к ним.

Современный этап истории полосок начался с американофилии, царившей во Франции и других странах, враждовавших с Англией в конце 70-х годов XVIII века. Американская революция также была плодом Просвещения, и флаг с тринадцатью красно-белыми полосками, которые символизировали тринадцать американских колоний, взбунтовавшихся против британской короны, предстает как образ свободы и символ новых идей⁵¹. Тем самым одежда в полоску быстро получает особый идеологический и политический статус: привычка наряжаться в нее, носить ее, появляться в ней на людях дома или на улице могла быть воспринята как желание заявить о своей англофобии или о приверженности борьбе за права и свободы. В то же время, что вполне очевидно, это явление объяснялось модой, быстро охватившей широкие слои общества. Даже в Англии, против которой эта мода была первоначально направлена, в середине 1780-х годов начинается увлечение полосками, *stripes*. С этого момента страны Старого Света буквально наводнены полосками. При дворе и в деревне полосы фигурируют на самых разных элементах костюма, будь то платья, куртки, камзолы, плащи, сюртуки, жилеты, юбки, ленты или шарфы. Аристократические и деревенские полосы начинают сочетаться и даже смешиваться, прежде всего в пасто-

ральных сценах, популярных в живописи и гравюре того времени.

Новая мода не ограничилась одеждой, со временем она распространяется и на ткани, использующиеся при изготовлении мебели и оформлении интерьера: на обоях, полах, коврах, мебели, простынях и просто постельном белье появляется строгий рисунок — полная противоположность гирляндам, мелким орнаментам и завитушкам в стиле шинуазери, бытовавшем в предыдущем столетии. Неоклассическая эстетика сама по себе способствует распространению полосок вполне определенного рода: тонких, вертикальных, исполненных в более ярких и светлых тонах, чем полосы XVI—XVII веков. Отныне преобладают сочетания красного и белого, синего и белого, зеленого и белого, зеленого и желтого цветов. Полоски зрительно увеличивают площадь изображения, придают ему динамизм, высвечивают поверхность, на которую они нанесены. Чаще всего они встречаются во Франции, стране декоративных искусств, — в частности, в конце эпохи «стиля Людовика XVI» и особенно во времена «стиля Директории»⁵².

Впрочем, очень скоро все изменится и полоски будут поставлены на службу идеологии, став символом наступающей Революции.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПОЛОСКИ

Трудно точно сказать, почему Французская революция столь активно использовала полоски и полосатые поверхности, так что в итоге они даже стали одной из основных ее эмблем, наряду с фасциями, пикой, трехцветной кокардой, Марианной и фригийским колпаком. Не случайно в 1989 году ткани и предметы одежды в полоску были ши-

роко задействованы в представлении в честь двухсотлетия революции. Революционная атмосфера требовала полосок. В течение двух веков в живописи, гравюре, книжной иллюстрации, театре, позднее в кино, телевидении и комиксах любой декоративный элемент, связанный с революцией, обязательно будет полосатым, а патриоты и санкюлоты будут непременно носить жилет или штаны в полоску. Будет ли самонадеянным с нашей стороны усмотреть здесь реликты образов дьявола, жонглера и палача, подобно санкюлотам, нарушающие установленный порядок? Будет ли самонадеянным постфактум провести параллель, фантастическую и в то же время геометрически точную, между решетками Бастилии и тюрем времен ТERRORа и одеждой в полоску, которая пользовалась таким успехом у людей эпохи Революции?

И все же полосы конца XVIII века связаны не только с Французской революцией. Как мы уже заметили, их родиной является Америка (и американские коннотации они сохраняют вплоть до наших дней), на старом же континенте они входят в моду около 1789 года. С самого начала это явление не было чисто французским. Впрочем, во Франции одежда в такую полоску была очень популярна, ее носили как приверженцы Старого режима, так и революционно настроенные граждане. Как же объяснить связь полосок с идеологией республиканцев, патриотов и просто мятежников?

Во-первых, свою роль сыграли кокарда и трехцветный флаг. Оба они представляют собой разновидность поверхности в полоску; и хотя они отличаются от «классических» полосок (на смену двуцветной гамме приходит трехцветная, период с определенной последовательностью полосок не повторяется несколько раз, но дан раз и навсегда, занимая всю поверхность), они сохраняют свое главное свойство — ритмичность. А значит, они несут тот

же смысл и воспринимаются примерно так же. Кокарда, внешне напоминающая мишень, как правило, состоит из трех концентрических кругов (иногда эта тройка повторяется два раза); эти круги становятся все более яркими по мере удаления от центра, как будто оживляя поверхность, на которую нанесены. Кокарда хорошо видна издали, она гораздо заметнее, чем если бы была одноцветной; при этом ее носят на голове. Она выполняет роль знамени, оно же «знамение» (латинское *insigne*), в полном смысле слова.

После знаменитого парижского восстания 17 июля 1789 года, обстоятельства и причины которого остаются не вполне проясненными, что бы ни говорил об этом Лафайет в своих «Мемуарах»⁵³, кокарда становится эмблемой национальной гвардии и, соответственно, начинает интерпретироваться как символ гражданского единства. Некоторые патриотически настроенные толкователи даже усматривали в ее расцветке отсылку к трем сословиям⁵⁴. Во время праздника Федерации (14 июля 1790 года) был сделан особый упор на эту идею — праздник стал апофеозом трехцветных знамен и декоративных элементов, первое место среди которых занимала кокарда. В начале эпохи Конвента ее наличие становится обязательным в целом ряде церемоний; кокарда становится официальным, чуть ли не священным символом нового режима: сорвавший или осквернивший ее считается государственным преступником и подлежит крайне суровому наказанию, а продажа кокард других цветов (отличных от государственных) карается смертной казнью.

Трехцветный флаг получил официальное признание гораздо позже. Собственно, в том виде, в каком мы его знаем, его нарисовал Давид, а введен в употребление он был декретом монтаньярского Конвента от 15 февраля

1794 года. Практическое же внедрение потребовало еще какого-то времени. В течение нескольких лет горизонтальные полосы продолжали конкурировать с вертикальными, которые, в свою очередь, не всегда были расположены единообразно: полоса у древка могла быть как красного, так и синего цвета. И только в эпоху Консульства французский флаг был приведен к окончательному стандарту⁵⁵.

К тому времени сочетание трех цветов уже давно стало эмблемой и символом революционной Франции. Оркестровка этой трехцветной симфонии производилась за счет выбора того или иного носителя, в основном из текстильных материалов: это могла быть кокарда, полотнище флага, вымпел, а также ленты, шарф (начиная с мая 1790 года, Национальное собрание вручает мэрам их трехцветные шарфы), плюмаж, султан, балдахин, палатка, обои и т. д. Французская революция питала особое пристрастие к эфемерному декору — неудивительно, что именно ткани стали основным носителем для ее символов. Это позволило объединить эмблемы, исполняющие идеологическую функцию, с модой, трансформировав последнюю в инструмент пропаганды. Очень характерный момент, особенно если учесть желание революционеров осуществить идеал единства в том числе и в области одежды — они мечтали о едином костюме в полоску, обязательном для всех граждан. Так брюки и жилет в красно-белую полоску, которые носили ремесленники и крестьяне, юбка и фартук в бело-синюю полоску, по которым можно было узнать швею или прачку, превращаются после 1789 года в настоящую униформу, служащую патриотической пропаганде. Носить одежду в полоску — значит не только демонстрировать свою гражданскую сознательность, но и подчеркнуть свою приверженность

основным ценностям идеологии, которая сейчас в моде. В результате революции прежние цвета, формы и структуры приобретают новые значения. Так, Робеспьер был вполне старорежимным человеком в том, что касается костюма и прически, и, вероятно, носил свой знаменитый полосатый редингот и до 1789 года. Но в 1792 году этот редингот, внешне практически не изменившийся, приобретает значительную символическую нагрузку.

Словом, эпоха революции была крайне насыщенным периодом в истории полосок. Они не только распространяются повсюду, но и становятся более разнообразными по форме, приобретая новые значения. Например, на волне популярности трехцветного флага в моду вошло «утроение» полосок, до того момента встречавшееся довольно редко. Отныне полосы на тканях и одежде бывают трех, четырех и даже пяти цветов, и все они чередуются в определенном порядке, создавая четкий ритм.

Но сильнее всего обновляющее влияние Французской революции сказалось в области эмблем и знамен, где она сыграла роль катализатора. Приняв эстафету у старой геральдики, революционная символика способствовала созданию новых флагов за счет введения в широкий обиход формообразующих элементов, состоящих из линий и полосок. Во-первых, сине-бело-красный флаг послужил моделью для новых штандартов: в самых разных уголках планеты появилось множество трехцветных эпигонов — символов свободы и независимости. Как следствие во многих странах Европы различные институты стали использовать в своих эмблемах полосы — геометрический узор оказался легко воспроизводимым и более удобным в употреблении по сравнению с растительным и животным орнаментом старых гербов. Наибольшего размаха это явление достигло в армии. Наконец, подоб-

ные эмблемы стали использоваться не только в государственных учреждениях, но и в коммерческих фирмах, частных заведениях, в мире игр и спорта. Словом, начиная с Французской революции и вплоть до сегодняшнего дня, немногие фирменные знаки обходятся без полосок.

Во времена Консульства и Первой Империи, когда флаги и униформы были особенно в почете, к этим новым формам прибавилось еще одно: экзотические и орнаментальные полоски, возникшие в 1799–1800 годах на волне популярности всего египетского после наполеоновского «Исхода из Египта», — в них в очередной раз совместились западная (в данном случае, французская) мода и восточный декор (вернее, считавшийся таковым). Конечно, широкое применение «романтических» полосок в области дизайна интерьера имело место еще в период Директории, но систематически они стали употребляться не раньше 1800-х годов. Полоски фигурируют уже не столько на одежде, сколько на обоях и мебельной обивке. В период Консульства в хорошем обществе было принято ставить дома полосатые палатки «в египетском стиле», ночевать в них, обедать и принимать друзей⁵⁶. Палатки ассоциируются с полосками, и эта связь, если присмотреться, имеет давнюю историю: ее можно заметить и в средневековой миниатюре, и на современных пляжах. Как и другие ткани, имеющие отношение к ветру и воздуху (вспомним, например, воздушные шары), палатка всегда связана с полосками — это могут быть полоски декоративного типа, полоски как часть какой-либо эмблемы, наконец, полоски, выполняющие технические функции⁵⁷.

Действительно, текстильные полоски во многом определяются способом производства, и когда мы говорим об их распространении в ту или иную эпоху на том

или ином виде материалов, необходимо держать в голове также историю техники. Несомненно, что экспансия полосатых тканей в области одежды, мебели и декора во многом связана с механизацией ткацкого дела, начавшейся в 70-х годах XVIII века (вспомним изобретение прядильной машины Джеймсом Харгривсом, «мюль-машину» Сэмюэла Кромптона, принцип работы ткацкого стана для узорчатых материй, открытый Жозефом-Мари Жаккаром). Техническое и символическое измерение всегда взаимосвязаны. Так, в конце XVIII — начале XIX века полосы приобретают новые значения — и все это благодаря индустриальной революции.

После падения Империи мебель и обои в вертикальную полоску все еще были в моде, но уже без идеологического содержания и каких-либо восточных коннотаций, и так продолжалось в течение всего периода Реставрации вплоть до Июльской монархии. Популярность вертикальных полосок можно объяснить причинами «физического» характера: они зрительно увеличивают объем. Именно поэтому в апартаментах времен Реставрации, состоявших из серии небольших комнат с низкими потолками, активно использовались ковры в полоску (то же самое мы наблюдаем и в период Директории). Можно задаться вопросом, не было ли у «старых» горизонтальных полос, украшавших стены огромных залов феодальных замков, аналогичных функций — но с обратным знаком: благодаря им потолок кажется низким, а пространство — более сжатым. Возможно, этот эффект работал еще в средневековой культуре — ведь очевидно, что речь идет не о физиологии и не об оптике, но о чисто культурном явлении — умении видеть в вертикальных полосках мотивы, которые зрительно увеличивают поверхность изображения, а в горизонтальных — мотивы, производящие обратное действие⁵⁸.

Полосовать и наказывать

Появление романтических полосок, довольно быстро превратившихся в революционные, ознаменовало решающий этап в истории полосатых тканей. Отныне текстильные полоски могут быть и вертикальными, и горизонтальными, а главное — они могут восприниматься как нечто положительное. Тот, кто носит полосатую одежду, уже не обязательно окажется изгоем или социально униженным, как в Средневековье.

Такое положение продлится в течение многих десятилетий, с конца эпохи романтизма до наших дней. Однако «отрицательные» полоски вовсе не исчезли. Напротив, для современной эпохи характерно сосуществование двух противоположных систем значений, в основе которых лежит одна и та же структура. Начиная с конца XVIII века одежда в полоску воспринималась, соответственно, как что-то позитивное, или негативное, или и то и другое одновременно, — но никогда как что-то нейтральное. Об этих двух системах значений мы и поговорим в последних двух главах. А чтобы не потерять ощущение большого времени, начнем с негативных полосок, которые, как мы помним по экскурсу в историю Средневековья, призваны подчеркнуть отрицательные стороны какого-либо персонажа или явления.

Сегодня полосатый костюм может ассоциироваться с самыми разными профессиями и социальными положениями, но первое, что приходит в голову, — особенно если это широкие полосы контрастных цветов, — перед нами арестант. Конечно, ни в одной стране мира уже не встретишь заключенных в такой одежде⁵⁹, но сам образ укоренился в нашем сознании настолько крепко, что подобный костюм кажется неперенным атрибутом тюрьмы; это почти архетип. Неслучайно в комиксах (по сути

представляющих собой набор высказываний в форме кодов разного уровня) узники тюрем, каторжники и бывшие заключенные практически всегда носят тунику или рубашку в полоску. Французские читатели помнят, конечно, комиксы про Счастливого Люка (выходившие с 1950 года), где смешные и страшные братья Дальтон неизменно одеты в рубашку в черно-желтую полоску. Такая одежда сама по себе подчеркивает, что ее обладатели — люди «вне закона», сбежавшие из тюрьмы или с каторги. Сходный код мы видим в рекламе, где заключенные и каторжники также изображаются в полосатой одежде (что на самом деле уже стало анахронизмом).

Но подлинная история костюмов в полоску, отличавших тюремных арестантов и каторжников, с трудом поддается реконструкции⁶⁰. Создается впечатление, что и в этом случае родиной полосок стала Америка. Впервые полосатая одежда появилась в исправительных заведениях Мэриленда и Пенсильвании примерно в 1760 году. Можно предположить, что американские колонисты, взбунтовавшиеся против британской короны (как, позднее, французские революционеры), сознательно оделись в арестантские полоски, сделав их символом освободительного восстания. Позднее, в начале XIX века, эту одежду можно было встретить в некоторых английских и немецких тюрьмах, а в последующие десятилетия — на каторжных работах в Австралии, Сибири и даже в Османской империи. К французской каторге это не относится — там вместо полосатой робы фигурировала красная форма⁶¹. Однако в обоих случаях преследовалась одна цель — та же, что и в Средние века: подчеркнуть, что человек, одетый таким образом, изгнан из социума и лишен основных прав.

Примечательно, что обе расцветки — и однотонная красная, и двуцветная в полоску — действуют по единому

принципу. Явление это интересно в нескольких отношениях. Во-первых, его легко датировать: в Средневековье и даже в XVI веке такое соответствие было бы невозможным, поскольку красный цвет был слишком популярен и не мог обозначать нечто маргинальное⁶². Зато в семиотическом плане оно передает вневременную, почти абсолютную связь между красным цветом, полосками и пестрой расцветкой — это всегда что-то «зримое», кричащее, динамичное. Чтобы усилить эффект, французских каторжников заставляли вместе с красной кофтой надевать штаны охристого или коричневого цвета; осужденные на пожизненное заключение были обязаны, в придачу к тому, носить зеленые береты, а рецидивисты — желтые рукава⁶³. Каждого арестанта необходимо было узнавать издали, отличать от охранников, понимать, к какой группе он принадлежит, легко отслеживать его перемещения, если он убежит из тюрьмы или спрячется, — а полосатые и пестрые ткани подходили для этого как нельзя лучше. Именно поэтому они соответствуют друг другу — свойство, на котором мы подробно останавливались, когда говорили о сигнальной функции полосатой одежды в средневековом обществе. И все же, признаюсь, мне не удалось обнаружить преемственность ни между средневековыми маргиналами и арестантами Нового времени, ни между их одеждой. И все же связь между ними есть, если верить дошедшим до нас произведениям и сведениям о культуре и ментальности тех времен. Но каким именно образом в Европе Нового времени из одежды в полоску возникла такая специфическая вещь, как арестантская форма? Этот вопрос еще ждет подробного исследования⁶⁴.

При этом в полосках Нового и Новейшего времени присутствует измерение, которого не было в полосках средневековых. Полосатые костюмы каторжников и заключенных — это не просто социальный маркер, символ

изгнания из общества или знак особого социального статуса. Нанесенные на грубую материю, эти полосы несут на себе печать глубокой деградации, начисто лишая того, кто их носит, достоинства и надежды на спасение. Более того, они сочетают цвета настолько тревожные, вульгарные и грязные, что создается впечатление, будто и сами они обладают злотворной силой. Они не только делают человека заметным и подчеркивают его изгнание из общества, но и унижают, калечат, приносят несчастье. Самый показательный и трагический пример такого рода полосок — форма, которую носили узники лагерей смерти. Никогда полосы на человеческом теле не являли собой столь разрушительного насилия над личностью.

Если пойти еще дальше, можно предположить, что корни преемственности социально маркированных костюмов эпохи Средневековья и современной арестантской формы следует искать именно в новоевропейском заключении безумия в специальных учреждениях. Дорога от шута к безумцу и от безумца к узнику нигде не обрывается, и полосы, возможно, претерпели сходную эволюцию. Важным этапом на этом трагическом пути стала сама практика содержания в заключении — возникнув в начале XVI века (сначала в Англии, потом и на континенте), она все чаще применялась к так называемым «сумасшедшим», а затем, во второй половине XVII века, — ко всем правонарушителям, по мере того как лишение свободы постепенно заменяло телесные наказания⁶⁵. В геометрическом и метафорическом отношении горизонтальные полосы, фигурирующие на арестантской форме, тесно связаны с вертикальными прутьями тюремной решетки. Прутья и полосы пересекаются под прямым углом — кажется, что перед нами уток, или сеть, или даже клетка, которая еще больше отделяет заключенного от внешнего мира. Здесь полосы оказываются не только маркером, но

и препятствием. Заметим, что такие полосы-препятствия (обычно в красно-белых тонах) можно встретить и сегодня — на железнодорожных переездах, пограничных постах и других местах обязательных остановок.

Есть еще одна область, где связь между полосками и идеей наказания выражена с особой наглядностью, — это лексика. В современном французском языке глагол *rayer* означает не только «проводить полосы», но и «отрезать, отменять, уничтожать». «*Rayer*» имя в списке значит «провести полосу» поверх имени, вычеркивая его носителя. Чаще всего такое вычеркивание означает наказание. Сходную идею мы находим в глаголе *corriger*, что переводится одновременно как «зачеркивать» и «исправлять» в смысле «наказывать», — из этого второго значения родилось выражение «исправительный дом», место заключения с решетками на окнах, обитатели которого нередко носят полосатую форму. Глагол *barrer*, «зачеркивать», обычно употребляется в том же значении, что и *rayer*, причем сама форма слова подчеркивает, что решетки, *barreaux*, являются в некотором смысле полосками, а полосы — барьерами.

Подобное лексическое родство есть и в немецком: можно предположить, что глаголы *streifen* (зачеркивать) и *strafen* (наказывать) родственны друг другу, хотя в этимологических справочниках нет таких данных⁶⁶. К той же группе слов относятся существительное *Strahl* («луч») и, возможно, *Strasse* («улица») — ведь улица в конечном итоге тоже полоса⁶⁷. В английском языке *stripe* («полоска» в текстильной терминологии) этимологически сближается с глаголом *to strip*, у которого два значения: раздевать и лишать (т. е. почти «наказывать»), а также с глаголом *to strike off*, которое переводится как «вычеркивать», «перечеркивать», «исключать из списка»⁶⁸.

Обратимся к латыни — здесь также есть слова, выражающие связь между идеей подчеркивания и наказания.

Такие слова, как *stria* (полоска, черта), *striga* (линия, ряд, борозда), *strigilis* (скребок), родственны глаголу *stringere*, означающему, кроме всего прочего, «сжимать», «проводить полосы», «лишать». От него же происходит глагол *constringere*, который прямо переводится как «держат в заключении». Мы видим, что в каждом из перечисленных языков — в латыни, английском, немецком и французском — между словами с корневым сочетанием **stri-* существует тесное родство⁶⁹.

Итак, в европейской культуре полосы тесно связаны со всем, что имеет отношение к запрету, преграде и наказанию. Проводить черту значит исключать — в течение долгого времени все, кто носил одежду в полоску, были исключены из общества. При этом подобное исключение могло мыслиться не только как лишение прав и свободы, но и как защита. Костюм в полоску, который в средневековом обществе полагалось носить безумцам и умственно отсталым, несомненно, является знаком позора и изгойства, но он может быть и оградой, решеткой, фильтром, призванным защитить от злых духов и бесов. Здесь мы вновь имеем дело с полосками как препятствием, но уже в положительном смысле. Безумец — существо хрупкое и беззащитное, поэтому он чаще других становится добычей дьявола. Чтобы он не стал одержимым, нужно, пока не поздно, создать для него ограду, т. е. облачить его в защитный костюм — костюм в полоску. И ничто не мешает нам предположить, что вера в охранительные свойства одежды в полоску сохранилась вплоть до наших дней. Не одеваем ли мы на ночь полосатую пижаму, чтобы она защитила нас, хрупких и бессильных, от дурных снов и вмешательства темных сил⁷⁰? Быть может, наши полосатые пижамы, наши простыни и матрасы в полоску — это, в некотором смысле, решетки и клетки? Задумывались ли об этом Фрейд и его эпигоны?

Монахи-кармелиты у источника Св. Илии
Пьетро Лоренцетти, 1328 год

Рождение Каина
Миниатюра, Франция, XIV век

Битва евреев с хананеями
Миниатюра, Париж, XIV век

Мученичество Св. Этьена
Миниатюра, Франция, XV век

Тидей, преследуемый фиванцами. Книжная миниатюра, Франция, XIV век

Марк и Дагенель
Из книги о Тристане, Франция, XV век

Марк и матросы Тристана
Франция, XV век

Прибытие Мерлина к месту битвы
Из книги «История Мерлина», Париж, XIV век

Битва Ланселота и Паламеда
Из книги «Рыцари Круглого Стола», Франция, XV век

Зебра

Гравюра из детской книги, вторая половина XIX века

Максимилиан Робеспьер
Портрет неизвестного художника

Свобода на баррикадах (деталь)
Эжен Делакруа, 1830 год

«Народный суп»
Франция, 1791—1794 годы

Кокарда
Франция, 1791—1794 годы

Донья Антония де Гальдос с сыном Луисом
Диего Веласкес, 1630 год

Мадьярка
Открытка, Португалия, начало XX века

Женское платье
Рисунок из журнала мод, сентябрь 1880 года

Butterick

BUST 34 SIZE 14

982
60

**LINE
ONLY
5 MAIN
PATTERN
PIECES**

**QUICK
'N EASY**

Выкройка платья в полоску. 1960-е годы

Платье в полоску с цветочным узором. 1950-е годы

Две девушки на пляже
Открытка. 1920-е годы

Футболка рефери

Открытка
Англия, 1900-е годы

Молодой человек в купальном костюме
1930-е годы

Девочка в полосатом купальнике
Открытка, начало XX века

Американский моряк
Первая половина XX века

ПОЛОСКИ В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ (XIX–XX ВЕКА)

Существует множество причин, объясняющих наличие полосок на постельном белье. Собственно, на примере полосатых пижам и ночных рубашек можно представить себе всю проблематику «нижнего белья», т. е. одежды, которая соприкасается с телом. Почему эту одежду так часто украшают полоски и ленты разных цветов? К какому времени восходит эта традиция? Как она вписывается в долгую и совсем не линейную историю тканей в полоску?

Чтобы ответить на эти вопросы, нужно обратиться не столько к истории ткацкого производства и культурно-гигиенических практик, сколько к социальной и моральной символике. И здесь особое значение приобретает проблема цвета. Обратившись к ней, мы выйдем из круга идей, связанных с пейоративными полосками, и вернемся в мир «правильных» полосок, который мы пока видели лишь мельком, когда говорили об эпохе романтизма. Но сейчас речь пойдет о полосках совсем другого рода, и основным вопросом станет не их расположение (горизонтальное или вертикальное), но цвет и ширина, а главное — вновь и вновь возникающая проблема социальной нормы. На этот раз — в связи с гигиеной тела.

Полоски и гигиена

Начиная с эпохи феодализма и вплоть до «второй промышленной революции» (конец XIX века) одежда и ткани, соприкасающиеся с голым телом (рубашки, вуаль, кальсоны, простыни), могли быть или белыми, или неокрашенными. В некоторых монастырских уставах, например, специально оговаривалось, что одежда такого рода не должна быть «суровой», небеленой — это максимально точно передавало идею «нулевой степени цвета». Дело в том, что краски считались чем-то потенциально нечистым (особенно если они содержали вещества животного происхождения), более или менее бесполезным и уж точно нескромным. Они не должны были соприкасаться со столь интимной поверхностью, как кожа. На этом во все времена сходились приверженцы самых разных традиций: в XII—XIII веках — цистерцианцы и францисканцы (святой Бернар и святой Франциск отличались особой нетерпимостью к краскам и цвету), в конце Средневековья — авторы законов против роскоши, в эпоху Реформации — протестанты (известные своим неприятием всего цветного), во времена Контрреформации — католики (поскольку они были вынуждены принять некоторые протестантские ценности). Наконец, ту же тенденцию мы наблюдаем в эпоху становления индустриального общества, унаследовавшего в этом отношении, как и во многих других, традиции протестантской этики⁷¹. Таким образом, с XI по XIV век постельное и нижнее белье было либо белым, либо бесцветным⁷².

Положение начало меняться после 1860 года, сначала в Соединенных Штатах и Англии, а потом и в остальной Европе. По мере освобождения от гнета протестантской этики, капиталистической морали и буржуазных ценностей производители и потребители товаров начали

продавать и покупать нижнее и банное белье, постельные наборы и спальные костюмы, выполненные уже не из некрашенных или беленых тканей, но «в цвете» — явление это, поначалу незаметное, приобретало все больший размах, особенно накануне Первой мировой войны⁷³. Этот процесс постепенного перехода от белого к цветному продлился больше века, причем эволюция происходила по-разному, в зависимости от типа ткани и категории одежды. Если в 1860 году голубая рубашка была чем-то немыслимым, то в 1920 году она уже была достаточно популярна, а в 1980 году стала банальностью (сегодня мужская голубая рубашка — обычная будничная одежда, она распространена даже больше, чем белая). При этом в том же 1860 году постель из ярко-зеленой или красной ткани нельзя было даже вообразить, и такое положение продолжалось не только в 1920-м, но и в 1960 году. Десять лет спустя ситуация изменилась, и сегодня такое белье встречается, хотя и не слишком часто. Таким образом, разноцветные ночные рубашки появились в результате последовательной эволюции, в случае же простынь и постельных наборов, напротив, произошел резкий скачок.

Итак, в каждой области переход от белого к цветному осуществлялся в своем ритме. Однако было два элемента, которые на промежуточном этапе использовались всюду: пастельная гамма и полосы. Собственно, нигде не наблюдалось резкого сдвига от белого к ярким и насыщенным цветам; всегда были промежуточные этапы, когда господствовали ткани в полоску и ткани, окрашенные в пастельные тона, будь то нижнее белье, полотенца или ночные сорочки. В истории одного и того же изделия бывали периоды, когда пастель и полосы мирно сосуществовали — цвет постепенно укреплял свои позиции либо за счет пастельных и ненасыщенных тонов, или же благодаря сочетанию (в форме полосок) белого и других

цветов, также неярких оттенков. В обоих случаях начало этого процесса, т. е. период до 1920–1940-х годов, характеризовалось преобладанием холодных тонов⁷⁴.

Здесь надо отметить абсолютное, почти грамматическое соответствие между полосками и пастелью как в конце XIX века, так и в наше время (к другим эпохам и культурам эта аналогия неприменима). Пастельный цвет — не вполне цвет, цвет несостоявшийся, «цвет, не решающийся назвать свое имя»⁷⁵. Полоски же выполняют сходную функцию, играя роль полувцвета, — цвет в полосатой ткани как бы усечен, перемежаясь с белым. И в том и в другом случае цвет оказывается как бы прибавочным знаком, почти как в геральдике, и хотя технически это разные вещи, у них одна и та же двойная функция — придать некую живость белизне и добиться чистоты цветовой гаммы. Полоски и пастель позволили освободиться от долгого засилья белых и небеленых тканей, не нарушая норм гигиены и социальной морали. Надо сказать, что все вышесказанное относится не только к тканям и одежде, сходный процесс происходил и в других областях, связанных с гигиеной, здоровьем и уходом за телом, как то: стены кухонь и ванн, больничные палаты, плитка для бассейна, бытовая техника, посуда, туалетные принадлежности и упаковки лекарственных средств. Здесь также имел место переход от гигиенического белого к живым и разнообразным краскам при посредстве полосок и пастельных тонов.

Но вернемся к текстильным изделиям. Если посмотреть вокруг, мы увидим, что гигиенические полоски — порождение индустриального общества, нечто вполне далекое от полосок, о которых мы так подробно говорили, прочно обосновались в нашей повседневности. Мы все еще носим полосатые рубашки⁷⁶ и пижамы, пользуемся салфетками и полотенцами в полоску, спим на полоса-

ных простынях. Полоски сохранились даже на покрытии наших матрасов. Будет ли самонадеянностью предположить, что эти пастельные полоски, соприкасающиеся с нашим телом, призваны не только сохранять его в чистоте, но и защищать его? И защищать не только от грязи и внешних воздействий, но и от наших собственных желаний, от нашего извечного влечения к нечистоте? Здесь снова уместно вспомнить о защитных полосках, полосках-фильтрах, которые мы упоминали в связи с заключенными и каторжниками.

Как бы то ни было, очевидно, что в течение долгих десятилетий обществом были выработаны определенные культурные коды, объединяющие полоски и гигиену. В этом отношении типичен случай с рубашкой и костюмом (в современном значении слова). Здесь установилась настоящая знаковая система, классифицирующая отдельных лиц и группы людей по социокультурному признаку, в зависимости от типа полосок на одежде: перемежают ли они белый с яркими или же с пастельными цветами, широкие они или узкие, вертикальные или горизонтальные, сплошные или прерывистые. Одни полоски считаются вульгарными, иные свидетельствуют о хорошем вкусе их хозяина, некоторые могут стройнить или выделять человека⁷⁷, другие — старить или молодить. Какие-то полоски могут быть в моде, а какие-то нет. И, как часто бывает, эти типы полосок используют друг друга, переходят в свою противоположность, позволяют отличать один социальный класс от другого, одну страну от другой.

В послевоенный период в западном обществе сформировались определенные конвенции. Там, где речь идет об одежде, соприкасающейся с телом, а также о некоторых видах верхней одежды, тонкие полоски бледных оттенков более популярны, чем широкие полосы контрастных цветов. Таким образом, та же рубашка и костюм в

полоску могут быть характерны и для банкира, и для преступника, однако это будут разные полоски: в первом случае они будут тонкими и неброскими, во втором — широкими и бросающимися в глаза.

Полоски последнего типа принято считать вульгарными. В то же время, естественно, бывают особые места и обстоятельства, где безвкусица может намеренно выставляться напоказ, как «последний писк моды». Сегодня, например, многие женщины носят вещи в полоску, хотя в нашей культуре такая одежда считается скорее мужской. Некоторые ученые даже говорят о противостоянии между полосатым «мужским» декором и крапчатым «женским» (что отсылает к архетипической оппозиции длинного и круглого). Но это не абсолютное правило: если мужские трусы в горошек или в цветочек встречаются действительно нечасто, то обратное неверно. Многие женщины носят белье в тонкую полоску, и это вполне женственно и элегантно.

Итак, на протяжении XX века полоски на одежде приобретали все более разнообразные коннотации, с множеством нюансов. Конечно, эволюция затронула не только полоски, связанные с гигиеной и телом. Сложившаяся система значений была внутренне организована и обогащена за счет полосок иной природы. И здесь особое значение приобрели «морские» полоски.

СИНЕ-БЕЛЫЙ МИР

Нелегко определить, где и когда у моряков вошло в обычай носить одежду в полоску. Тем более сложно выявить, как и почему это произошло⁷⁸. Тексты долгое время умалчивали о подобной практике, живопись сообщает о ней не раньше середины XVII века, когда на английских и

голландских батальных картинах появляются моряки в характерных кофтах («тельняшках») в горизонтальную полоску, красно-белую или сине-белую. Однако общепринятой нормой такие изображения становятся лишь к концу XVIII столетия, примерно тогда же моряки получают брюки в тон тельняшкам.

Впрочем, тельняшку носили не все моряки, а только матросы, т. е. рядовые члены экипажа. В живописи XVIII века она уже прочно ассоциировалась с матросами, выступая в роли опознавательного знака, и сохранила это значение до наших дней. Носящий такую одежду оказывается внизу социальной иерархии, иногда этому сопутствуют пейоративные коннотации. Так, среди офицеров военно-морского флота и поныне бытует грубый обычай звать курсантов, уже получивших звание офицеров, но еще не закончивших училища, «зебрами», в память о полосатых вязаных сине-белых тельняшках, которые они носили в былые времена⁷⁹.

Историк может задаться вопросом, существует ли связь между матросской тельняшкой Нового времени и средневековой одеждой в полоску, с ее подчеркнуто отрицательными коннотациями. Может быть, одежда с таким рисунком изначально была «отмечена» как знак чего-то низкого? Или дело просто в том, что тельняшки выполняли сигнальную функцию — ведь работа на корабле связана с постоянной опасностью, и матросам очень важно иметь возможность видеть друг друга при любых обстоятельствах. Полоски всегда заметнее, чем однотонная поверхность, особенно если речь идет о красных и белых полосах — именно такое сочетание использовалось в морском деле первоначально, задолго до появления сине-белой расцветки.

А может, не стоит искать идеологических и семиотических объяснений и все дело в ткани? Матросская тель-

няшка — это трико, т. е. одежда, надеваемая на голое тело и сохраняющая его в тепле, сама же ткань представляет собой вязаное изделие, изготовленное в соответствии с традициями европейского трикотажа. А трикотажные изделия (чулки, перчатки, кальсоны, чепцы), надо сказать, долгое время были полосатыми — это объясняется особенностями производственного процесса⁸⁰. Можно ли связать появление трикотажных тельняшек, очень пригодившихся матросам в плаваниях по холодным морям, с резким ростом популярности трикотажной одежды в середине XVII века, последовавшим за появлением механических станков? Тогда нам пришлось бы отказаться от идеи символической преемственности различных традиций ношения полосок, зато о конкретном феномене можно было бы говорить с большей достоверностью, подкрепляя рассуждения хронологией.

Как бы то ни было, факт остается фактом: морские полоски покорили все континенты и продолжают существовать и поныне, спустя века. Постепенно одежда и ткани в полоску стали вызывать «морские» ассоциации и даже прямо отсылать к миру моряков. Надо также заметить, что матросские тельняшки — не единственные обладатели полосок на борту корабля. Они соседствуют с парусиной (продолжающей традиции Античности и Средневековья, когда паруса чаще всего были полосатыми⁸¹) и флагами, чьи полотнища, по крайней мере с XVIII века, оформляются в соответствии с различными знаковыми кодами, устроенными по тем же принципам, что и геральдика⁸².

Но самое интересное кроется не в этом, и даже не в том, что обычай носить одежду в полоску переняли рыбаки, а также работники речного флота, яхтсмены и венецианские гондольеры. Лично меня, как историка, занимает прежде всего трансформация, произошедшая на рубеже XIX—XX веков, когда полоски, связанные с даль-

ними плаваниями, перешли в область прибрежного отдыха, а оттуда — в область спорта и досуга. Функции, традиционно закрепившиеся за тканями в полоску, оказались сведены в единую систему — и система эта до сих пор играет огромную роль в нашей повседневной жизни. Поговорим же об этом поподробнее.

По мере того как европейское общество открывало для себя морские купания и пляжные забавы, менялись и коннотации полосок, связанных с морской тематикой, — они как бы «переместились» от морских просторов к прибрежной полосе. Так одежда и ткани в полоску перешли из моряцкого быта в пляжную моду, не известную до конца XVIII века и даже в первой половине XIX века встречавшуюся редко; ее расцвет начался в конце Второй империи на нормандском побережье и продолжился в последующие десятилетия. Многочисленные свидетельства тому сохранились в живописи, в частности в изображениях приморских городов авторства Эжена Будена, относящихся к концу 1850-х — 1860-м годам. Полоски фигурируют у него повсюду — на тканых покрытиях тенгов и пляжных стульев, купальных костюмах, дамских платьях, зонтиках молодых барышень, детской одежде⁸³. Эта мода затронула юго-западное побережье Франции, немного позже — приморские курорты Англии и Бельгии. Накануне Первой мировой войны пляжи Западной Европы представляли собой настоящий театр полосок⁸⁴.

Чрезвычайная популярность купальных полосок объясняется не только модой. Конечно, людям света доставляет удовольствие подражать в одежде людям низших классов, а на море можно отказаться от некоторых условностей и решиться на то, что в городе было бы невозможно; здесь люди нарушают некоторые правила, а иные могут даже «опуститься». Но сюда приезжают не только за этим, но и просто подышать воздухом, принять морс-

кие ванны, заняться физическими упражнениями и укрепить здоровье. Во времена «Бэль Эпок» (1890—1914 годы. — *Прим. пер.*) гигиенические процедуры были столь же важной составляющей курортной жизни, что и светские мероприятия⁸⁵. Именно это позволяет заключить, что пляжные полоски так же связаны со здоровьем и моралью, как и полоски «гигиенические». В буржуазном обществе конца XIX — начала XX века любая одежда, если она соприкасается с телом, непременно должна быть или полосатой, или белого, или пастельного цвета, или же полосатой. Таким образом, пляжные полоски представляют собой синтез моряцких полосок и полосок здорового образа жизни.

В этом отношении показательна история с купальным костюмом. Врачи-гигиенисты предпочли бы видеть его белым, но это было невозможно, ведь влажные белые вещи фактически становятся прозрачными, независимо от материала. С другой стороны, они не могли настаивать на черном цвете и темных оттенках, поскольку в те времена надевать однотонные яркие вещи на голое тело все еще считалось неприличным. Это и породило моду на купальные костюмы в полоску, где чередовались светлый и темный цвета (обычно белый и аквамарин) — спасительный выход с точки зрения как социальной морали, так и телесной чистоты; так гигиенические полоски оказались сплавлены с полосками тельняшек.

Мы не будем подробно расписывать, какую необыкновенную популярность приобрели эти «приморские» полоски после двадцатых годов. Десятилетия сменяли одно другое, и на пляже становилось все больше вещей в полоску: купальники, легкие прогулочные костюмы, пеньюары, полотенца, палатки, солнечные зонты и ширмы, шезлонги, шторы, детские игрушки, мячи, спортивные сумки и другие аксессуары. И только в 1970-х, скорее даже

в 1980-х годах этот процесс замедлился, а затем пошел на спад. пляжные аксессуары в полоску, конечно, не исчезли полностью, но постепенно на их место пришел другой стиль, сначала экзотический (имитирующий побережья тропических и южных морей), позже «калифорнийский» (здесь устроители пляжей ориентировались на подростков и молодежь с их вкусами и увлечениями).

Предшествующий же период пляжной истории, между тридцатыми и шестидесятыми годами, прошел под знаком экспансии полосок; сами же пляжи при этом несколько демократизировались. Отдых на море перестал быть привилегией состоятельных классов; их привычки, нравы, ткани и одежда постепенно становятся достоянием представителей других социальных групп. мода на те или иные вещи начинает культивироваться повсеместно и тем самым обесценивается. Однако, в отличие от других элементов декора, полоски так до конца и не «демократизировались». Несмотря на их широкое распространение, особенно после Второй мировой войны, они всегда воспринимались как знак элегантности и хорошего вкуса. Снобизм обладателей вещей в полоску, достигший своего апогея в 1900–1920-е годы, конечно, исчез, но прежние коннотации тем не менее сохранились. И сегодня полосатый купальник на пляже привлекает внимание — несмотря на то что полоски полоскам рознь, и малейшее отклонение от принятой в настоящее время нормы относительно ширины полос, их расцветки и текстуры будет свидетельствовать о вульгарности их хозяина⁸⁶.

Полоски всегда придают одежде оттенок «шика», особенно если речь идет о сочетании какого-либо цвета с белым. Благодаря ему за чередованием красок проступает некое единство, создавая ощущение чистоты и свежести — еще одно свойство полосок, использующееся в сферах, никак не связанных с пляжем, — например, в торгов-

ле скоропортящейся едой. В молочном, мясном и рыбном магазинах, лавке, торгующей овощами и фруктами, можно часто встретить занавески и витрины в полоску. Это всегда производит хорошее впечатление — кажется, что полоски сами по себе являются гарантией свежести и хорошего качества продуктов. Впрочем, это касается и других магазинов, не имеющих отношения к продовольственным товарам, — в их обстановке часто присутствуют шторы или обои в полоску, что сразу оживляет интерьер, внося в него дух летней беззаботности. Дело в том, что за прошедшие десятилетия «морские» полоски окончательно превратились в символ лета и каникул и уже не имеют ничего общего ни с одеждой моряков, ни с гигиеной. Вокруг них возникает новый круг ассоциаций: развлечения, игры и спорт, мир детства и юности. Так полоски, связанные с морем, здоровьем и светской элегантностью, превратились в символ веселья и активного образа жизни.

ИГРОВЫЕ ПОЛОСКИ: «БУДЬТЕ КАК ЗЕБРЫ»

Полоски были издавна связаны с детством. Уже на некоторых средневековых изображениях можно увидеть младенцев в пеленках, перевязанных параллельными лентами⁸⁷. Позднее, при Старом режиме, в аристократической среде стало принято одевать детей в полосатую одежду — эта мода пришла из мира взрослых. От революционной эпохи до нас дошло немало гравюр, изображающих юных патриотов в полосатых кюлотах, жилетах, юбках и фартуках. Но все это остается на уровне отдельных фактов. Действительно тесная связь между полосками и детством устанавливается не раньше второй половины XIX века; впоследствии она будет лишь усиливаться.

Осмелюсь предположить, что в современном обществе именно дети, как младенцы, так и подростки, чаще всего носят одежду в полоску. Матроски, которые так любили маленький Пруст и юный Сартр, давно исчезли, но на смену им пришли полоски другого типа. Сегодня детскими кумирами являются не матросы, а спортсмены. И те и другие — белые вороны, вернее, «зебры», и хотя у каждого из них свое происхождение, в одном они похожи — в обществе они являются маргиналами.

Дело в том, что тесную связь между полосками и детьми надо рассматривать с социологической точки зрения. И здесь историк вновь сталкивается с искушением провести аналогию между явлениями разных эпох, усмотрев в полосатых костюмах нынешних детей сходство со средневековыми полосками, подчеркивающими низкий социальный статус. Можно сказать, что в некоторых отношениях ребенок является отверженным, подобно прокаженному, жонглерам и проституткам, а полоски выступают как знак этой маргинальности. Но не заведут ли нас слишком далеко подобные рассуждения? Если посмотреть внимательно, мы обнаружим, что детская нательная одежда в полоску получила распространение в то же время, что и белье пастельных цветов, т. е. во второй половине XIX века. Здесь мы снова встречаемся с гигиеническими полосками, как и с отмеченным выше соответствием между полосками и пастельной расцветкой. Костюмы в полоску, как и белая, розовая и голубая расцветка, нисколько не принижают детей в наших глазах, напротив (полная противоположность полоскам Средневековья!)⁸⁸.

Полоски на детской одежде — маркер, который не только обозначает некоторую обособленность, но и содержит гигиенические коннотации, подчеркивая, что ребенок живет в атмосфере чистоты и здоровья. Кроме всего прочего, считалось (и до сих пор считается) что

одежда в полоску пачкается меньше, чем любая другая. Идея, естественно, ошибочная, поскольку грязеустойчивость зависит скорее от химического состава материала, но если мы говорим о зрительном восприятии, то здесь есть доля истины: полоски привлекают внимание и скрывают одновременно, и именно благодаря этому пятна становятся незаметны. Мы еще поговорим об этой визуальной особенности полосок.

«Детские» полоски являются одновременно «буржуазными», поскольку ассоциируются со здоровьем и чистотой, но одновременно в них есть что-то игровое. Может быть, этим они обязаны самим детям, но скорее дело в другом: тут совмещаются коннотации двух других типов полосок, о которых мы уже говорили, — с одной стороны, они связаны с развлечениями, отдыхом и морем, с другой — с жонглерами, комедиантами и всеми, кто в том или ином смысле занят «игрой». В детском полосатом костюме есть что-то маскарадное, кажется, что он нам подмигивает; он напоминает костюмы, которые носили наши бабушки и дедушки на морских курортах, — образец чистоты, здравомыслия и светского лоска, и в то же время есть в этом что-то веселое, порой даже забавное. Это неофициальная одежда, вызывающая симпатию и если не смех, то, по крайней мере, некоторое оживление. От этих полосок становится весело, поскольку они привлекают внимание к самому факту переодевания — так же, как одевания клоунов и всех, кто занимается развлечением публики. Не случайно Колюш, стремясь придать живости своим скетчам, выступал в комбинезоне на лямках, как у детей. Так же как не случайны огромные подштанники в вертикальную бело-голубую полоску, которые носит Обеликс, товарищ Астерикса из одноименного комикса. И Колюш, и Обеликс, хотя и остаются персонажами разных жанров, выступают здесь в роли скоморохов, «неле-

пых зебр», как говорят французы. А современное общество, как и Бюффон, питает нежную симпатию к зебрам, хотя и знает их, как правило, только по книгам⁸⁹. Это удивительное животное, «не такое, как другие», отличается живым нравом и любит порезвиться, а главное, кажется, что кто-то специально нарядил его в этот костюм. Именно благодаря полоскам все зебры выглядят молодо. Не бывает «старых зебр» ни в прямом, ни в переносном смысле. Если взрослый человек, достигший положения в обществе и определенной респектабельности, будет носить полосатую одежду кричащих или просто ярких цветов, это будет воспринято как эксцентричность, т. е. стремление нарушать общепринятые нормы — ведь полосы созданы для молодежи, клоунов и художников. Они украшают не только одежду, но и другие материалы, связанные с детством, праздниками и играми: сладости (вспомним о карамельках «берлинго»), игрушки, ярмарочные шатры, цирковые и театральные принадлежности⁹⁰.

В наше время детские полоски — это что-то спокойное и дышащее здоровьем и одновременно динамичное и игровое. Именно эти качества подчеркивают коммерческие фирмы, продавая свои изделия для самых юных и всех, кто хочет оставаться таковыми. Замечательный пример использования полосок в коммерческих целях — зубная паста марки Signal, появившаяся в конце шестидесятых годов и ориентированная прежде всего на детей и подростков. Стоит надавить на тюбик, и из отверстия появится цилиндрик пасты — но не привычного белого цвета: вдоль его окружности мы видим красные полосы. Эффект неожиданный и совершенно замечательный⁹¹, что и доказала коммерческая успешность проекта. Полоски подчеркивают «гигиеничность» пасты, превращают ее в изящное изделие и создают впечатление, что она выходит из тюбика быстрее, чем другие пасты, придавая ей

живость, делая ее забавной, аппетитной, обращая процедуру чистки зубов в игру. Так и хочется съесть эту белую пасту вместе с ее красными полосками! Заметим, что она действительно расходуется быстрее, чем обычная паста. Тюбики быстро пустеют, ведь чистка зубов из неприятной обязанности превращается в удовольствие — именно поэтому на щетку выдавливают больше пасты. С коммерческой точки зрения создание этого продукта представляет собой гениальный маркетинговый ход. Как только паста Signal оказалась на прилавках, она тут же вышла в лидеры по объему продаж. Через какое-то время ее стали копировать другие фирмы, но ни одной из них не удалось повторить успех. Возможно, причина тому удачное название, ведь основной функцией полосок является именно сигнал, — в этом смысле паста оказалась настоящим «говорящим гербом»⁹².

Все вышеупомянутые качества, свойственные в первую очередь «детским» и «молодежным» полоскам, присущи и полоскам на спортивных костюмах: это и сигнальная функция, и коннотации, связанные со здоровьем, игрой и динамичностью, и, наконец, ассоциации с летом и молодостью⁹³. Спортсмен, как и ребенок, — существо маргинальное, «зебра», так же как клоун, паяц, актер и все, кто играет на сцене. Подобно им, спортсмен выступает в полосатом костюме на огороженной площадке, подчеркивающей, в некотором смысле, если не изгойство, то по крайней мере его обособленность и необычность его одеяния. Во многих отношениях спортсмен — скоморох нашего времени.

Однако есть у спортивной полоски особая функция — эмблематическая (в одежде детей и комедиантов она почти не встречается). По типу полосок можно определить, за какую команду человек играет, к какому клубу принадлежит эта команда, за какой город, регион, страну он

выступает. Дизайнеры спортивных полосок руководствуются теми же принципами, что и создатели гербов и флагов. В любом крупном соревновании, где задействовано много игроков в ярких костюмах (например, футбольный матч или олимпийские соревнования по легкой атлетике), ощутимо присутствует геральдическое измерение, напоминая нам о средневековых турнирах, где щиты и знамена видоизменяются по вполне определенным принципам, тем же, что и фигуры и цвета на майках и шортах атлетов. И здесь мы снова встречаем полоски — горизонтальные, вертикальные, диагональные; цвет же, как правило, соответствует символике клуба или страны. Одежда спортсмена повторяет цвета его флага, так же как экипировка рыцаря — рисунок его герба⁹⁴.

Спортивная одежда еще ждет своего историка. Остается только пожелать, чтобы ученые не ограничивались общими работами, но и занялись составлением иллюстрированных каталогов, наподобие справочников по истории военной формы. Было бы интересно выяснить, например, почему в некоторых видах спорта (бейсбол, баскетбол, хоккей) арбитры сохранили полосатый костюм, позволяющий легко отличить их от игроков, а в других, как то футбол или регби, от этой формы в какой-то момент отказались. Хотелось бы также выявить некоторые системные закономерности, узнать, что именно определяет рисунок и цветовую гамму полосок на форме игроков, приняв во внимание, например, их возраст, профессионалы они или любители, выступают ли они в основном составе или в составе запасных. Интересно было бы посмотреть, как эти параметры соотносятся с эмблематикой города, за который выступает команда, как полоски используются болельщиками, поговорить об их истории и значении, сравнить полоски «аристократических» («Клуб де Франс» с его бело-голубой расцветкой) и

студенческих (бело-фиолетовые полосы «Пари Университе клуб») клубов, проанализировать символику корпоративных команд. Наука не занималась в этой связи даже таким престижным футбольным клубом, как туринский «Ювентус» с его знаменитыми черно-белыми вертикальными полосками. В сущности, спортивные полосы — все еще «непаханое поле». И это очень обидно, ведь для историка знаков спорт с его сложной, живой символикой — практически идеальный объект изучения.

Полоски — это подозрительно

Люди в полосатой одежде зачастую оказываются странными типами. Полоски сами по себе настолько сильно выделяют их, как зрительно, так и социально, что бывает нелегко понять, какие коннотации они приносят — положительные или отрицательные. На одном полюсе оказываются моряк, купальщик, спортсмен, клоун, ребенок, на другом — безумец, палач, заключенный, преступник. Между ними располагается целая палитра оттенков — персонажей, принадлежащих к нескольким мирам одновременно. Всех их объединяет одно — маргинальное положение в обществе, заинтересованного в динамическом равновесии и потому играющего на этой многозначности, усиливая амбивалентность и взаимопроникновение смыслов (особенно с недавних пор, когда система значений полосок усложнилась).

В период «Бэль Эпок» в среде авангардистов появляются «эпатажные» полосы; они продолжали встречаться и после Первой мировой войны. Речь идет главным образом о кофтах или майках с широкими горизонтальными полосами ярких цветов. Эффект получился интересный — сочетание эпатажа, тревожности и пародии; по

сути же эти полоски представляют собой смесь как минимум трех типов, рассмотренных выше: полоски на одежде заключенных, матросов и атлетов.

Такую одежду носили прежде всего мужчины, в частности Ги де Мопассан, когда сплавлялся по Сене, останавливаясь в маленьких городках, чтобы пообщаться с представителями социального дна. Импрессионисты, изображавшие жителей предместий, развлекающихся в кабаре и в компании женщин полусвета, часто облачали их в полосатые кофты. Впрочем, поверхности в полоску всегда пользовались популярностью у художников (ранее мы говорили об этом на примере Иеронима Босха и Питера Брейгеля), хотя бы потому, что они привлекают внимание, демонстрируют некое отличие, потому что в полосках есть музыка и движение. Они очень рано появляются в живописи и остаются на всем протяжении ее истории, от каролингских миниатюр до абстрактного искусства наших дней. Некоторые художники пошли еще дальше и стали надевать вещи в полоску и в реальной жизни. Таков случай Пикассо, который никогда не упускал случая появиться в одежде в полоску и заявлял, что, чтобы делать хорошую живопись, нужно «исполосовать себе зад»⁹⁵. Другой пример, более близкий к нам по времени, — Даниель Бурен, французский скульптор, дизайнер и разрушитель традиций. Уже более тридцати лет он использует тему полосок в своем творчестве — как выясняется, они по-прежнему способны вызвать скандал, как будто со времен XIII века ничего не изменилось⁹⁶.

Перед тем как перейти к анализу художественной и музыкальной функции полосок, хотелось бы отметить значение «эпатажных» полосок 1900-х годов в современной жизни: они по-прежнему присутствуют в рекламе, комиксах и карикатуре. Так, персонаж в полосатой майке, скорее всего, окажется подозрительным типом — не

обязательно опасным преступником, речь может идти и о мальчишках-хулиганах, шпане из предместий и просто сомнительных субъектах. Архетипическим героем такого рода долгое время был Филошар, персонаж комикса «Никелированные ноги»⁹⁷. В 1920–1930-е годы у него появились соперники, мафиози из американских комиксов про гангстеров «Аль Капоне», — их полоски выглядели гораздо более зловещими. Столь же заметные, они были уже не горизонтальными, а вертикальными и располагались не на майке или рубашке, но на костюме. После экранизации этот костюм стал непрямым атрибутом представителей воровского мира, сначала в кино, а потом и в других видах визуального искусства. Во Франции и Италии его до сих пор можно увидеть почти ежедневно в газетных шаржах и карикатурах, подчеркивающих сомнительную или откровенно криминальную репутацию того или иного политика. Достаточно изобразить человека в вульгарном костюме в широкую полосу — и народный избранник превращается в страшного мафиози⁹⁸.

Итак, пейоративные полоски никуда не исчезли, несмотря на отмену каторги и триумф спорта и пляжного отдыха. Они все еще актуальны для нашего общества, просто их присутствие стало менее явным — вернее, их коннотации стали более узкими по сравнению с «позитивными» полосками. При этом значение полосок претерпело некоторую эволюцию: они больше не являются символом дьявольского мира, как в Средние века, или нарушения социальных норм. Теперь они прежде всего указывают на опасность и являются не столько маркером, сколько сигналом. Особенно активно они используются в знаках дорожного движения: красно-белые полоски поджидают нас повсюду, предупреждая об опасности, призывая к осторожности или запрещая проезд куда-

либо. Сбавить скорость, объехать, остановиться, выполнить то или иное указание — таковы прямые и косвенные указания, глядящие на нас с табличек с красно-белой каймой. Само сочетание этих двух цветов, один из которых символизирует запрет, а другой — терпимость, замечательно выражает амбивалентность полосы: она проводник, она же и препятствие; и фильтр, и барьер одновременно. Иногда это означает, что проехать можно, но с соблюдением различных ограничений, в других же случаях необходимо немедленно остановиться — например, перед спуском, пограничным пунктом или постом ДПС. Обо всем этом нас оповещают красно-белые полосы, которые не только хорошо заметны — вероятно, сегодня это наиболее действенное цветовое сочетание, особенно если нужно различить что-то издалека⁹⁹, — но и внушают некоторую тревогу. За полосками такого типа всегда скрывается опасность. А где опасность, там и власть — опасность другого рода — в лице жандарма, полицейского, охранника или таможенника. Полоски чреватны появлением людей в форме, а люди в форме грозят наказанием.

Таким образом, красно-белые полосы, которые мы видим на знаках дорожного движения, функционируют как экран. В некотором смысле они представляют собой усеченный образ двери или изгороди, за которую можно попасть только при определенных условиях. Если взять, к примеру, простую горизонтальную линию в красно-белую полосу, расположенную перпендикулярно движению (она может обозначать, в частности, железнодорожный переезд), и поставить на ее место какую-нибудь огромную решетку, раскрашенную в разные цвета, — эффект будет такой же! Тут особенно наглядно проявляется основной принцип действия полосок — метонимия. Полоски — это структура, которая повторяет сама себя до

бесконечности; они могут располагаться на огромной или крошечной поверхности, но свойства их от этого не меняются. Часть равнозначна целому, структура главенствует над формой. Отсюда невероятная пластичность полосок — на протяжении веков они оставались маркером, знаком, знаменем, эмблемой и атрибутом на любой поверхности, независимо от изменений техник и общего культурного контекста.

Другую разновидность дорожных полосок представляет собой пешеходный переход, образуемый чередованием белых и черных линий, напоминающих окрас зебры (немцы так и называют его — *Zebrastrreifen*, «полосы зебры»), — и он также связан с опасностью, преградой, запретом и разрешением. Он означает, что переходить надо именно тут, но не когда угодно и не абы как. Полосы на асфальте одновременно и указывают на переход, и усложняют его. Само чередование пустых и заполненных цветом участков обязывает к повиновению и осторожности — кажется, что вот-вот упадешь в пространство между двумя белыми полосами. Здесь полоски снова действуют как фильтр — ноги пешехода свободно проходят, но внимание его задерживается.

Примером «фильтра» могут служить жалюзи и шторы в полоску. Здесь мы снова имеем дело с экраном, который пропускает, защищает, не запрещая полностью, останавливает вредное и проводит полезное. Возможно, эта способность «пропускать сквозь фильтр» — одно из главных достоинств полосок. Мы уже говорили об этом в связи с гигиеной тела: нательная одежда в полоску соприкасается с кожей, сохраняя ее в чистоте, как бы защищая ее. Эту же функцию мы видим и здесь, только в роли тела выступает помещение: ставни, закрывающие оконный проем и состоящие, как правило, из скрепленных

между собой вертикальных планок (тех же полосок), охраняют сон жителей дома, защищая их от опасностей, которые могут прийти с улицы, — от шума, холода, ветра, бродяг, нечисти и самого Дьявола. Планки ставень, как и пижамные полосы, обеспечивают спокойный сон. Мотив защиты очень важен — показательно, что в ряде регионов (Савойя, Пьемонт, Тироль), если структура ставней не предполагает такого рода планок, полосы рисуют прямо по дереву¹⁰⁰.

Изобилие полосок может приводить к противоположному результату — они не защищают от опасности, но, напротив, скорее притягивают ее. Альфред Хичкок посвятил этой теме целый фильм, «Spellbound» (в российском прокате — «Завороженный». — *Прим. пер.*), вышедший в 1945 году. Его герой испытывает патологическую боязнь полосок, считая себя виновным в смерти младшего брата, — в детстве, когда они вместе играли, тот погиб, напорвшись на решетку. Поклонники Хичкока не слишком высоко ставят эту картину, характеризуя ее как «средней руки психоаналитическую мелодраму»¹⁰¹, но я, как специалист по полоскам, не могу не восхищаться мастерством, с которым дядюшка Альфред изобразил — в движении — формы и фигуры, преследующие героя: игра тени и света, различимая сквозь шторы, прутья решеток, следы на лыжне, наконец, вид из окна вагона, когда мимо с огромной скоростью проносятся шпалы и электрические столбы¹⁰². Фильм помогает ощутить во всей полноте, насколько тревожным и оглушительным может быть мир полосок, как сводит с ума это бесконечно повторяющееся чередование двух цветов. Полоски — это всегда ритм, всегда некая музыка, и, как и всякая музыка, они приносят не только гармонию и удовольствие — иногда они переходят в пламя, грохот и безумие.

ОТ СЛЕДА К МАРКЕРУ

Полоски и музыка — это отдельная большая тема. Еще в Древнем Риме некоторые актеры и музыканты носили одежду в полоску — как и менестрели феодальной эпохи, ангелы с трубами и арфами на готических миниатюрах, и джазмены первой половины XX века¹⁰³. Музыканты всегда находились на обочине общественной жизни, неудивительно, что, как и другие маргиналы, они носили полосатые костюмы. Кроме того, сама игра на музыкальном инструменте подталкивает к выбору такого одеяния. Ведь струны скрипки или арфы, органнeе трубы, клавиатура пианино — это в некотором роде тоже полоски.

И все же в целом музыка и полоски связаны более тесно, почти на онтологическом уровне. В сущности, полоски — та же *musica*, им присущи все смыслы, свойственные этому латинскому слову, более многозначному по сравнению с французским вариантом: звучность, последовательность, движение, ритм, гармония, пропорция, — а также строй, текучесть, длительность, эмоция, радость. Даже терминологический словарь у них общий: шкала, гамма, тон, интервал, линия, переход, сдвиг и т. д. А главное — и полоски, и музыка подразумевают *ordo* (французское *ordre*), что означает как «порядок, расположение», так и «приказ»¹⁰⁴. Музыка упорядочивает отношения между человеком и временем, а полоски — между человеком и пространством (как геометрическим, так и социальным).

В природе поверхности в полоску встречаются редко. И когда человек сталкивается с ними, они представляются ему чем-то необычным — он или боится их (в Средние века), или любит (в современной культуре). Возьмем, к примеру, прожилки минералов, овощные волокна, в большей степени — окрас животных, например

тигра и зебры, — прежде в них видели свирепых чудовищ, сегодня же считают чуть ли не самыми красивыми из всех земных тварей. То, что раньше внушало страх или отвращение, теперь привлекает и завораживает¹⁰⁵ — потому что это исключение.

На самом деле полосы не являются природным маркером — это маркер культурный, и человек пользуется им, чтобы разметить окружающую среду, поставить свое клеймо на вещах, навязать людям определенные правила. Он начинает с освоения природы: сначала лемех плуга, потом зубцы грабель и дорожная колея и наконец — железнодорожные рельсы, электрические и телеграфные провода, автодороги. Перемещаясь, человек вторгается в пейзаж, оставляя следы в виде полосок. Что касается вещей, то тут полосы оказываются не только маркером, но и способом контроля. Полоски используются как сигнальное средство (например, красно-синие полосы по контуру авиаконвертов): они помогают выделить поверхность, на которую нанесены, противопоставить или, наоборот, связать с другой поверхностью, а значит, классифицировать ее каким-либо образом, держать ее в поле наблюдения, проверять, подчас даже налагать какие-то ограничения. Нанести полосы на товар — значит «погасить» его (как, например, гасят марку или почтовое отправление) — и полосы все чаще выступают в этой роли. Компостеры и буквенно-цифровые коды уходят в прошлое, вместо них сегодня используются черно-белые полосы (например, на входных билетах и чеках). Особенно показательно в этом отношении введение в крупных магазинах штрихкодов: на смену прежним этикеткам с цифрами, указывавшими стоимость вещи, пришли параллельные вертикальные полосы¹⁰⁶.

Что касается полосок, наносимых непосредственно на человеческое тело, то они выполняют те же функции:

отмечают, классифицируют, помогают контролировать и устанавливать иерархии; это относится и к соответствующим татуировкам, принятым у некоторых африканских племен, и к тканям в полоску, которые носят аборигены Америки и Океании, и к различным культурным кодам в одежде, геральдике и вексиллологии, о которых мы говорили в связи с европейской культурой. Фактически полосы — это инструмент социальной таксономии. То, что изначально было отпечатком, следом, стало маркером, средством регламентации. Проводить линии и борозды — значит «упорядочивать» (наилучшей иллюстрацией тому служат гребень и грабли), оставлять следы и выстраивать в ряды, подводить под определенные категории, ориентировать, отмечать и упорядочивать — ибо любая организация, как и (вернемся к музыкальной терминологии) любая оркестровка, всегда направлена на созидание. Именно поэтому гребень, грабли и плуг, оставляющие борозды на всем, до чего дотрагиваются, с древнейших времен являются символами богатства и плодородия — как, впрочем, дождь, пальцы и другие символы, связанные с полосками и следом. То, что отмечено полосами, не только маркировано и подведено под определенную классификацию, — это еще и нечто созданное, построенное, как ткань, а также доски¹⁰⁷, заборы, лестницы и полки; в этом же ряду находится письмо, связанное с упорядочивающим знанием, — недаром написанный текст выглядит как ряд полосок.

Теперь становится понятно, почему на протяжении веков в европейском обществе было принято отмечать полосками все, что имело отношение к беспорядку. Полоски «огораживали» беспорядок, защищали от него, помогали очистить и окультурить пространство. Одежда в полоску, которую были обязаны носить сумасшедшие и каторжники, — это решетка, изолирующая от общества,

и одновременно опора, поддержка; кажется, что ее прямые линии призваны вернуть человека «на путь истинный». Полоска не равна беспорядку, но она указывает на него, и она же — средство упорядочивания. Полоска — не изъян, но маркер изъяна и попытка восстановления целостности. В средневековом обществе обязанность носить одежду в полоску, как правило, не распространялась на отверженных, которые считались *неисцелимыми* (например, язычники). Зато под это правило попадали те, кого еще можно было обратить в праведную веру, — например, еретики или, реже, мусульмане и иудеи.

Иными словами, «человек предполагает, а полоска располагает». Полоски по природе своей не укладываются в культурные коды, создаваемые обществом. Есть в них что-то, что противостоит системности, что несет волнение и смуту, что «создает беспорядок». Полоски и являют, и скрывают, но этим их амбивалентность не ограничивается; они и фигура и фон, конечное и бесконечное, часть и целое, и все это одновременно. А потому поверхность в полоску часто кажется чем-то неконтролируемым, почти неуловимым. Где она начинается? Где заканчивается? Что в ней пустота и что наполненность, где здесь замкнутость, а где — открытое пространство? Что тут разрежено, а что плотно и как различить эти участки?¹⁰⁸ Что считать фоном, а что составляет передний план? Где здесь верх, а где низ? Зебра — это белое животное с черными полосками, как в течение долгого времени утверждали европейцы, или черное животное с белыми полосами, как и по сей день считают африканцы?¹⁰⁹

Тут мы сталкиваемся прежде всего с проблемой зрительного восприятия¹¹⁰. Как объяснить тот факт, что в большинстве культур полоски видны лучше, чем однотонная поверхность, и в то же время создают оптическую иллюзию? Возможно ли, что глаз лучше видит то, что

обманывает? Полоски, противопоставляемые однотонной поверхности, воспринимаются как нечто отличное, акцентированное, как некий маркер. Но сами по себе они становятся миражом, смущают взор, заставляют моргать, волноваться, спасаться бегством¹¹¹. Структура стала фигурой, она находится вне правил евклидовой геометрии. Полоски будоражат взор, заставляя нас отводить глаза. Это вспышка, от которой темнеет в глазах, путаются мысли, мутится сознание.

От такого обилия полосок можно и с ума сойти.

БИБЛИОГРАФИЯ

Эта книга родилась из созерцания картин — средневековых, которые я, будучи историком, вынужден был просматривать почти ежедневно, и картин современной жизни, которые окружают нас всех. Она состоит скорее из впечатлений и вопросов, чем научных экскурсов. История полосок и полосатых тканей фактически представляет собой одну большую лауну, ни один автор пока не рискнул ею заняться. Так что предлагаемая ниже библиография — всего лишь набросок к этому сюжету, заметки на полях. Она ставит своей целью сориентировать читателя, который захочет побольше узнать о той или иной теме, затронутой на предыдущих страницах.

1) История текстиля:

Bezon (Jean), *Dictionnaire général des tissus*, Paris, 1859.

Bril (Jacques), *Origine et symbolisme des productions textiles*, Paris, 1984.

Endreï (Walter), *L'Evolution des techniques du filage et du tissage, du Moyen Age à la revolution indistruelle*, Paris, 1968.

Francesco (G. de), *A propos de l'histoire de la centure murale* // *Cahiers Ciba*, 1. fasc. 4 // *Cahiers Ciba*, 1, fasc. 4, 1946, p. 106–130.

Grass (Milton M.), *History of Hosiery*, New York, 1955.

Singer (Charles), *A History of Technologies*, Oxford, 1954–1958, 5 vol.

2) Иконография и символика Средневековья:

Erich (Oswald A.), *Die Darstellung des Teufels in der Christlichen Kunst*, Berlin, 1931

- Glazenapp (F.), *Varia, Rara, Curiosa. Bildnachweise einer Anzahl von Musikdarstellungen aus dem Mittelalter*, Hamburg, 1974.
- Hammerstein (Reinhold), *Diabolus in Musica. Studien zur Ikonografie der Musik im Mittelalter*. Bern, München; 1974.
- Pastoureau (Michel), *Figures et couleurs. Etudes sur la symbolique et la sensibilité médiévales*, Paris, 1986.
- Pastoureau (Michel), *Couleurs, images, symboles. Etudes d'histoire et d'anthropologie*, Paris, 1986.
- Randall (Lilian M.C.), *Images in the Margins of Gothic Manuscripts*, Berkeley, 1966.
- Roths (W.), *Jesus Nährvater Joseph in der bildenden Kunst*, Freiburg, 1925.
- Schade (Herbert), *Dämonen und Monstren. Gestaltung des Bösens in der Kunst des Frühen Mittelalters*, Regensburg, 1962.
- Schmidt-Wiegand (Ruth), *Text und Bild in den Codices picturati des Sachsenspiegels*, München, 1986.

3) История ордена кармелитов:

- Bullarium Carmelitanum*. éd. E. Monsignano, J.A. Ximenez, Roma, 1715–1768, 4 vol.
- Martini (C.), *Der deutsche Karmel*, Bamberg, 1922–1926, 2 vol.
- Sainte-Marie (père André de), *L'ordre Notre-Dame du Mont-Carmel. Etude historique*, Brugge, 1910.
- Sainte-Marie (père Melchior de), *Carmel // Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclésiastiques*, tome XI, Paris, 1949, col. 1070–1103.
- Wessels (G.), *Acta capitulorum generalium ordinis Beatae Virginis Mariae de Monte Carmelo*, Roma, 2 vol., 1912.
- Zimmermann (B.), *Monumenta historiae Carmelitanae*, Roma, 1907.

4) Маргиналы и история маргинальности:

- Bauer (M.), *Die Dirne und ihr Anhang in der deutschen Vergangenheit*, Berlin, 1912.

- Bourdet-Pleville (M.), *Des galériens, des forçats et des bagnards*, Paris, 1975.
- Danckert (Werner), *Unehrlliche Leute. Die verfemten Berufe*, Bern, München; 1963.
- Gross (Angelika), «La Folie». Wahnsinn und Narrheit im spätmittelalterlichen Text und Bild, Heidelberg, 1990.
- Hampe (T.), *Die fahrenden Leute*, 2-e éd., Iéna, 1924.
- Hartung (W.), *Die Spielleute. Eine Randgruppe in der Gesellschaft des Mittelalters*, Wiesbaden, 1982.
- Heinemann (Franz), *Der Richter und die Richtspflege in der deutschen Vergangenheit*, Leipzig, 1900.
- Keller (A.), *Der Scharfrichter in der deutschen Kulturgeschichte*, Bonn, Leipzig, 1921.
- Le Clère (Marcel), *La Vie quotidienne dans les bagnes*, Paris, 1973.
- Le Goff (Jacques), *Métiers licites et métiers illicites dans l'Occident medieval // Pour un autre Moyen Age*, Paris, 1977, p. 91–107.
- Martin (J.), Nischke (A.), éd., *Zur Sozialgeschichte der Kindheit*, Freiburg, München, 1986.
- Meyer (C.), *Die unehrlichen Leute in älterer Zeit*, Hamburg, 1894.
- Rossiaud (Jacques), *La Prostitution médiévale*, Paris, 1988.
- Salmen (W.), *Der fahrende Musiker um europäischen Mittelalter*, Kassel, 1961.
- Welsford (Enid), *The Fool. His Social and Literary History*, London, 1935.
- Willeford (William), *The Fool and his Scepter. A Study in Clowns and Jesters and their Audience*, Evanston, 1969.

5) История костюма:

- Boehn (Max von), *Das Bühnenkostüm in Altertum, Mittelalter und Neuzeit*, Berlin, 1921.
- Eisenbart (Liselotte C.), *Kleiderordnungen der deutschen Städte zwischen 1350 und 1700*, Göttingen, 1962.
- Kitchens (M.), *When Underwear Counted, being the Evolution of Underclothes*, Talladega (USA), 1931.

Mertens (Veronika), *Mi-Parti ald Zeichen. Zur Bedeutung von geteiltem Kleid und geteilter Gestalt in der Ständetracht, in literarischen und bildnerischen Quellen, sowie im Fastnachtsbrauch, vom Mittelalter zur Gegenwart*, Remscheid, 1983.

Pellegrin (Nicole), *Les Vêtements de la Liberté. Abécédaire des pratiques vestimentaires françaises de 1780 à 1800*, Paris, 1989.

Perrot (Philippe), *Les Dessus et les dessous de la bourgeoisie*, Paris, 1984.

Roche (Daniel), *La Culture des apparences. Une histoire du vêtement, XVII—XVIII siècles*, Paris, 1989.

Schidrowitz (Leo), *Sittengeschichte des Intimen: Bett, Korsett, Hemd, Hose, Bad, Abtritt*, Wien, 1926.

Schwedt (Herbert, Elke), *Malerei auf Narrenkleidern*, Stuttgart, 1975.

Willet (C.), Cunnington (P.), *The History of Underclothes*, London, 1951.

6) Гигиена и морские купания:

Anderson (Janice), Swinglehurst (Edmund), *The Victorian and Edwardian Seaside*, London, 1978.

Désert (Gabriel), *La Vie quotidienne sur les plages normandes, du Second Empire aux années folles*, Paris, 1983.

Hern (Anthony), *The Seaside Holiday: the History of the English Seaside Resort*, London, 1967.

Renoy (Georges), *Bains de mer au temps des maillots rayés*, Bruxelles, 1976.

Stokes (H.G.), *The Very First History of the English Seaside*, London, 1947.

Vigarelo (Georges), *Le Propre et le sale. L'hygiène du corps depuis le Moyen Age*, Paris, nouv. éd., 1985.

7) Геральдика, эмблематика, вексиллология:

Cook (Andrea), *A History of the English Turf*, London, 3 vol., 1901—1904.

Foras (Amédée de), *Le Blason. Dictionnaire et remarques*, Grenoble, 1883.

Neubecker (Ottfried), *Fahnen und Flaggen*, Leipzig, 1939.

- Pastoureau (Michel), *Du vague des drapeaux // Le Genre humain*, t. 20, 1989, p. 119—134.
- Pastoureau (Michel), *Traité d'héraldique*, Paris, 1979.
- Rabbow (Arnold), *Lexikon politischer Symbole*, München, 1970.
- Rabbow (Arnold), *Visuelle Symbole als Erscheinung der nicht-verbalen Publizistik*, Münster, 1968.
- Smith (Whitney), *Flags through the Ages and across the World*, Maidenhead (USA), 1975.

8) Мореплавание и морской промысел; военное дело:

- Barraclough (E.M.C.), *Yacht Flags and Ensigns*, London, 1951.
- Bulletin officiel de la marine nationale. Volume 38: *Uniformes, tenues et insignes des personnels militaires de l'armée de mer*, Paris, 1958.
- Dickens (Gerald), *The Dress of the British Sailor*, London, 1957.
- Hugo (Abel), *La France militaire. Histoire des armées françaises de terre et de mer de 1792 à 1937*, Paris, 1838.
- Katcher (Philipp R.N.) *Encyclopaedia of British, Provincial and German Army Units, 1775–1783*, Harrisburg, 1973.
- Lovette (Leland P.), *Naval Customs, Traditions and Usages*, Annapolis, 1939.
- Moeller (Hans Michael), *Das Regiment der Landsknechte*, Wiesbaden, 1976.
- Mollo (John), McGregor (Malcolm), *Uniforms of the American Revolution*, London, 1975.
- Stoecklein (Hans), *Der deutsche Nation Landsknecht*, Leipzig, 1935.
- Swinburne (Henry Lawrence), *The Royal Navy*, London, 1907.
- Tily (James C.), *Uniforms of the United States Navy*, New York, 1964.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Столь же недвусмысленное предписание находим в двадцать второй главе Второзакония: «Не надевай одежды, сделанной из разных веществ, из шерсти и льна вместе» (Втор. 22.5).
- ² В настоящем исследовании семиология полосок рассматривается прежде всего в социальном контексте. Естественно, проблема заслуживает более разностороннего структурного анализа — это станет темой следующей работы.
- ³ Идеи, высказанные в этой книге, могут показаться незавершенными — это связано прежде всего с невозможностью сопроводить текст достаточным количеством иллюстраций. Кроме того, в данной работе я счел уместным не разбирать подробно все случаи и ограничился общим обзором. Думаю, это правильный ход, особенно на первых порах, ведь перед нами, что называется, непаханая нива. Однако я не теряю надежды издать в будущем большой иллюстрированный справочник по истории полосок и полосатых тканей.
- ⁴ Маркетологи всемирно известной компании Adidas не ошиблись, сделав своей эмблемой три параллельные линии — на одежде и обуви они становятся полосками, что способствует их высокой продаваемости. Эти три полоски замечательно воплощают в себе идею скорости и успехов в спорте.
- ⁵ Не существует современных исследований по истории кармелитов. Труд отца Андре из обители Святой Марии (p. André de Sainte-Marie. *L'ordre Notre-Dame du Mont-Carmel. Etude historique*. Bruges, 1910) все еще не утратил актуальность. Интересующимся рекомендую также прочесть статью отца Мельхиора из этого же монасты-

ря: p. Melchior de Sainte-Marie, «Carmel» // «*Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclésiastiques*, t. XI, Paris. 1949, col. 1070–1103).

⁶ Вероятно, перевязь (фигура, пересекающая щит по диагонали справа налево) стала знаком незаконного происхождения потому, что она как бы перечеркивает щит, делая из него «герб наоборот». См. L. Bouly de Lesdain, *Les brisures d'après les sceaux* // *Archives héraldiques suisses*, t.10, 1896, особенно p. 124—128; J. Woodward, G. Burnett. *A Treatise on Heraldry British and Foreign*, 2-nd edition, London, 1896, p. 542—582; R. Mathieu, *Le Système héraldique français*, Paris, 1979, p. 186—187. Об истории геральдического термина «перевязь» и проблемах, связанных с его интерпретацией, см. G. J. Brault, *Early Blazon. Heraldic Terminology in the Twelfth and Thirteenth Centuries*, Oxford, 1972, p. 116—117.

⁷ Впрочем, многочисленные сведения о манере одеваться, принятой у францисканцев (в XIII—XIV веках она привела некоторых монахов к крайностям излишнего аскетизма), позволяют усмотреть связь между вещами в полоску и заплатанной и поношенной одеждой. Более того, в старофранцузском языке глагол *rayer* («чертить полосы») иногда употреблялся в смысле «портить» и «разрушать»; что же касается разнообразия цветов, то оно могло быть маркером бедности или крайней степени изношенности. Так, в 1336 году папа Бенедикт XII в своей булле просит короля Неаполитанского изгнать из королевства братьев бедной жизни (фратичелли), ратующих за бедность в рамках всей Церкви, особенно в том, что касается одежды: «...некие извращенные люди, называющие себя братьями нищей жизни и другими именами, которые носят короткие безобразные плащи, разноцветные или сшитые из разных лоскутов». О диспутах о бедности внутри францисканского ордена см. D. Lambert, *Franciscan Poverty*, London, 1961, а также соответствующие главы в F. Sessevalle, *Histoire générale de l'ordre de saint François: Le Moyen Age*, 2 vol., Bruxelles, 1940.

⁸ E. Faral, J. Bastin, *OEuvres Complètes de Rutebeuf*, Paris, 1959, t. I, p. 324. Рутебеф уточняет, что кармелиты «толстые» и «крепко сбитые», а у бегинок «нежная кожа». Оба монастыря располагались на месте нынешней обители целестинцев, на правом берегу Сены, в квартале Арсенал. Кроме того, позволим себе предположить, что «*gue des Barres*» — распространенное в больших городах название улицы — в прошлом звучало как «*gue des Barrés*» или «*gue des Frères-Barrés*», т. е. «улица меченых братьев».

- ⁹ E. Monsignano, J.A. Ximenez, *Bullarium Carmelitanum*, Roma, 1715, t. I, col. 35b—37a, 45b—46a; G. Wessels, *Acta capitulorum generalium ordinis Beatae Virginis Mariae de Monte Carmelo*, Roma, 1912, t.I, p. 8.
- ¹⁰ См. соответствующую статью père Zimmermann «Les réformes de l'ordre du Carmel» // *Etudes carmelitaines*, t. XIX/2, octobre 1934, p. 155—195.
- ¹¹ Библиография по теме весьма обширна, см., в частности, L. Trichet, *Le costume du clergé*, Paris, 1986, p. 72–73.
- ¹² Архивный адрес цитируемого документа: Rouen, archives départementales de la Seine-Maritime, G. 1885, pièce n. 4. Я признателен Клаудии Рабель, моей хорошей подруге, которая сообщила мне об этом документе и переписала его для меня.
- ¹³ Миряне, как правило, были единодушны в своих оценках, говоря об одежде духовенства. «Не пристало церковнику носить полосатое платье», — уверенно заявляет Филипп де Бомануар (Philippe de Beaumanoir) в своих *Coutumes du Beauvaisis* в 1280 году (t. I, chap. X, § 43, édition Beugnot, Paris, 1842, p. 173).
- ¹⁴ W. Koschorreck, éd., *Der Sachsenspiegel in Bildern*, Frankfurt am Main, 1977, pl. 94. См. комментарий R. Sprandel, «Die Diskriminierung der Unehelichen Kinder im Mittelalter» в сборнике J. Martin, A. Nitschke, *Zur Sozialgeschichte der Kindheit*, Munich-Freiburg, 1986, p. 492, n. 18. Это интересное высказывание стало известно мне благодаря Жан-Клоду Шмиту.
- ¹⁵ Рекомендую вниманию читателей, среди прочего: J. Bumke, *Höfische Kultur. Literatur und Gesellschaft im hohen Mittelalter*, Munich, 4-е éd., 1987, t. I, p. 172—210 (обратите внимание на библиографию: t. II, p. 821—823), а также старую работу Шульца (A. Schultz), указанную в примечании 41.
- ¹⁶ См. прежде всего L.C. Eisenbart, *Kleiderordnungen der deutschen Städte zwischen 1350 und 1700*, Göttingen, 1962; D.O. Hugues, *Sumptuary laws and social relations in Renaissance Italy* // J. Bossy, éd., *Disputes and Settlements: Law and Human Relations in the West*, Cambridge (G.-B), 1983, p. 69—99.
- ¹⁷ С нетерпением жду появления новых работ о знаках бесчестия, которые в средневековой Европе были обязаны носить евреи и мусульмане. Наши знания во многих областях отрывочны и противоречивы. Старая работа Улисса Роберта (Ulysse Robert, *Les*

signes de l'infamie au Moyen Age, Paris, 1891) устарела: говорить о системе маркеров маргинальности и бесчестья, общих для всего христианского мира, — дело довольно бессмысленное. Эти маркеры были приняты не везде и не всегда и варьировались в зависимости от региона, города, исторического периода — с XII по XV век многое успело измениться.

- ¹⁸ M. Pastoureau, «Figures et couleurs pejoratives en héraldique médiévale» // *Comunicaciones al XV congreso de las ciencias genealogica y heraldica* (Madrid, 19—26 septembre 1982), Madrid 1983, t. III, p. 293—309. См. также штудии, собранные в актах симпозиума *Exclus et Systèmes d'exclusion dans la littérature et la civilization médiévales*, Aix-en-Provence, 1978 (*Senefiance*, vol. 5).
- ¹⁹ О библейских предателях в средневековой иконографии см. R. Mellinkoff, «Judas' hair and the Jews» // *Journal of Jewish Art*, vol. IX, 1983, p. 31—46; M. Pastoureau, «Tous les gauchers sont roux» // *Le Genre humain*, vol. 16—17, 1988, p. 343—354.
- ²⁰ Ми-парти — двуцветная одежда, разделенная на две половины, каждая из них окрашена в свой цвет. Иногда левый рукав был выдержан в той же расцветке, что и правая половина костюма, и наоборот. В средневековом обществе и, соответственно, в иконографии одежда ми-парти часто оказывается аналогом или вариантом одежды в полоску. Подробнее об этом виде одежды см. диссертацию V. Mertens, *Mi-parti als Zeichen. Zur Bedeutung von geteiltem Kleid and geteilter Gestalt in der Ständetracht, in literarischen und bildnerischen Quellen sowie im Fastnachbrauch, vom Mittelalter bis zur Gegenwart*, Remmscheid, 1983.
- ²¹ См., в частности, Louis-Sebastien Mercier, *Tableau de Paris*, Paris, 1783, t. III, p. 138.
- ²² Об иконографии святого Иосифа см. подробную статью Г. Кастера (G. Kaster) в *Lexicon der Christlichen Ikonographie*, t. VII, Freiburg im Breisgau, 1974, col. 210—221.
- ²³ J. De Coe, «In Josephs Hosen Jhesus ghewonden wart» // *Aachener Kunstblätter*, vol. 30, 1965, p. 144—184; *idem*, «Das Josephhosen-Motiv in Weinachtslied und in der bildenden Kunst» // *Jahrbuch für Volksliedforschung*, t. 11, 1966, p. 58—89.
- ²⁴ О французских гербах и многоцветии в средневековом восприятии см. M. Pastoureau, «Le roi des lis. Emblèmes dynastiques et

symboles royaux» // Archives nationales, *Corpus des sceaux français du Moyen Age. Tome II. Les Sceaux royaux* (par M. Dallas), Paris, 1991, p. 35–54.

- ²⁵ O.A. Erich, *Die Darstellung des Teufels in der Christlichen Kunst*, Berlin, 1931; M. Pastoureau, *Bestiaire du Christ, bestiaire du Diable. Attribut animal et mise en scène du divin dans l'image médiévale// Couleurs, images, symboles*, Paris, 1989, p. 85–110. С крапинками, в частности, связана проблема «рыжих». В Средние века рыжие волосы и веснушчатая кожа, как и одежда в полоску, всегда, в той или иной степени, свидетельствовали о низком социальном статусе или несчастливой судьбе.
- ²⁶ C. de Tolnay, P. Bianconi, *Tout l'œuvre peint de Breugel l'Ancien*, Paris, 1968, pl. XXV; F. Grossmann, *Pieter Breughel. Complete Edition of the Paintings*, Londres, 1974.
- ²⁷ В ближайшем будущем я надеюсь заняться подробным анализом определений *varius* и *diversus* в классической и средневековой латыни. Если говорить о зрительных ассоциациях, то *varius* — это нечто многосложное, состоящее из разного рода слоев, которые накладываются друг на друга, но так, что возникает впечатление некоторой цельности (центростремительная тенденция), а *diversus* — множество противостоящих друг другу элементов (центробежная тенденция). Крапчатая поверхность соответствует *varietas*, но не *diversitas*. Полоски же совмещают в себе и то и другое — и мы в очередной раз убеждаемся в их примате над крапинками. Об этимологии и семантике *varius* и *diversus* см. A. Ernout, A. Meillet, *Dictionnaire étymologique de la langue latine*, 4-e éd., Paris, 1959, p. 713–714 et 725–726 (*verto*).
- ²⁸ В европейской культуре XII–XIII веков леопард предстает как персонаж сугубо отрицательный, лев же, напротив, избавляется, как бы «за его счет», от прежних негативных коннотаций и окончательно обретает статус царя зверей. См. M. Pastoureau, «Quel est le roi des animaux?» // *Le Monde animal et ses représentations au Moyen Age (XI–XV-e s.). Actes du XV-e Congrès de la Société des historiens médiévistes de l'enseignement supérieur public (Toulouse, 25–26 mai 1984)*, Toulouse, 1985, p. 133–142.
- ²⁹ См. подборку текстов в C. Gessner, *Historia animalium. Liber primus de quadrupedibus viviparis*, Zurich, 1551. p. 784–785. Об удивительной путанице между зеброй и онагром, имевшей место в XIII веке,

можно прочесть у энциклопедиста Винсент де Бове (Vincent de Beauvais, *Speculum naturale*, livre XIX, chap. 95 (*de diversis generibus onagrorum*), éd. de Douai, 1624, col. 1434—1435.

- ³⁰ См. многочисленные примеры, приведенные в А. Ott, *Etude sur les couleurs en vieux français*, Paris, 1899, *passim*. См. также замечательную работу А.-М. Bautier, Contribution à l'histoire du cheval au Moyen Age // *Bulletin philologique et historique du Comité des travaux historiques et scientifiques*, 1976, p. 209—249, et 1978, p. 9—75. О негативных коннотациях, связанных с полосатым и пятнистым скотом в библейской культуре, см. Книгу Бытия, 30, 25—43.
- ³¹ Литература о Жеводанском звере чрезвычайно обширна, но ее научные качества нередко оставляют желать лучшего. См. прежде всего F. Fabre, *La Bête de Gévaudan en Auvergne*, Saint-Flour, 1901; X. Pic, *La Bête qui mangeait le monde en pays de Gévaudan et d'Auvergne*, Paris, 1971; Abbé Pourcher, *Histoire de la bête de Gévaudan, véritable fléau de Dieu*, Mende, 1889. Относительно нашего сюжета см. эстампы в книге D. Bernard, *L'Homme et le loup*, Paris, 1981, p. 48—57.
- ³² В Германии были свои «Жеводанские звери» — в конце XVIII и в первой половине XIX века. Более того, после Второй мировой войны в Англии и Франции зафиксировано много случаев явления «мистических кошек» (термин В. Кампьян-Венсена), обнаруживающих некоторое сходство с «зверем»; некоторые очевидцы, в частности, рассказывали о полосатой шкуре. В 1990 году в Париже под эгидой Национального Центра Научных Исследований (CNRS) был созван специальный коллоквиум, посвященный этому явлению.
- ³³ О проститутках в Средневековье и их одежде см. M. Bauer, *Die Dirne und ihr Anhang in der deutschen Vergangenheit*, Berlin, 1912; J. Rossiaud, *La Prostitution médiévale*, Paris, 1988. Что касается костюмов жонглеров и музыкантов, на эту тему существует обширная литература; см., в частности, M. von Boehn, *Das Bühnenkostüm im Altertum, Mittelalter und Neuzeit*, Berlin, 1921; W. Salmen, *Der fahrende Musiker im europäischen Mittelalter*, Kassel, 1961; R. Hammerstein, *Diabolus in Musica. Studien zur Ikonographie der Musik im Mittelalter*, Bern und München, 1974; W. Hartung, *Die Spielleute. Eine Randgruppe in der Gesellschaft des Mittelalters*, Wiesbaden, 1982.
- ³⁴ Крапчатая поверхность подразумевает двухплановую структуру, в

случае с полосками возможно и плоскостное изображение. Я вернусь к этому позднее.

- ³⁵ Позволю себе отослать читателя к моим собственным работам о происхождении и распространении гербов, прежде всего к *Traité d'héraldique*, Paris, 1979, p. 20–58, а также к статьям, вошедшим в сборник *L'Hermine et le sinople. Etudes d'héraldique médiévale*, Paris, 1982.
- ³⁶ V. Cereceda, *Sémiologie des tissus andins*//Annales ESC, 1978, p. 1017—1035. См. также Y. Delaporte, «Le signe vésimentaire» // L'Homme, t. XX, 3, p. 109—142.
- ³⁷ T. Innes of Learney, *Tartans of the Clans of Scotland*, London, 5-e éd., 1949; G. Adam, *Clans, Sept and Regiments of the Scottish Highlands*, London, 1952. Заметим, между прочим, что не бывает тартанов в полоску — это всегда «шотландка».
- ³⁸ См. мои статьи, указанные в примечаниях 18 и 25.
- ³⁹ Старинная легенда, возникшая, по всей вероятности, не позднее XIII века, объясняет происхождение этих гербов следующим образом: у графа барселонского, предка арагонских королей, был герб — щит из чистого золота; во время сражения с сарацинами, где он участвовал как сподвижник Карла Великого (в других версиях говорится о Карле Лысом и битве с нормандцами), его смертельно ранили; император, стоя у его одра, дотронулся пальцами до раны и провел по золотому щиту пять вертикальных красных полос, в память о славной смерти графа. Это предание упоминается во всех трактатах по блазону вплоть до XVII века. На самом же деле герб арагонских королей, представляющий собой *четыре* (а вовсе не пять) *червленых столба в золоте*, имеет бургундско-провансальское происхождение: исторически он связан с Бургундским королевством (известному также как Арелат, по латинскому названию своей столицы — Арля). См. M. Pastoureau, *L'origine suisse des armoiries du royaume d'Aragon* // *Archives héraldiques suisses*, 1980, p. 3–10. Но сама легенда является замечательным примером того, как полоска из «следа» становится «маркером».
- ⁴⁰ В римских пьесах слуги и привратники часто предстают облаченными в костюм с полосатой или пестрой расцветкой наподобие скураты (лат. *scutta*) — одежды шутов и мимов. Помимо старой работы М. фон Бена (примечание 33), см. также J. André, *Etude sur*

les termes de la couleur dans la langue latine, Paris, 1949, p. 149–150 и 295–296.

- ⁴¹ Это подтверждается бесчисленным количеством письменных и изобразительных источников. Многие из них рассматриваются или просто упоминаются в диссертации V. Mertens (см. выше примечание 20), а также в книге A. Shultz. *Deutsches Leben im XIV und XV Jahrhundert*, Leipzig, 1892. Судя по всему, дольше всего практика ношения одежды в полоску среди прислуги просуществовала в Южной Германии, Тироле и в Восточной Швейцарии.
- ⁴² См. примечание 20.
- ⁴³ N. Verlinden, *L'Esclavage dans l'Europe médiévale. II. Italie, colonies italiennes du Levant, Levant latin, Empire byzantin*, Gand, 1977; M. Mollat, J. Devisse, *L'Image du Noir dans l'art occidental*, t. II, Freiburg, 1979, p. 137–160.
- ⁴⁴ Существует множество работ, посвященных иконографии царей-волхвов, зачастую очень неплохих. Сведения о них можно почерпнуть из статьи *Drei Könige* авторства A. Weis, включенной в *Lexikon der Christlichen Ikonographie*, t. I, Freiburg im Breisgau, 1968, col. 539–549. О чернокожем царе в полосатом одеянии см. M. Mollat, J. Devisse *op. cit.*, t. II, p. 172–185. Один из самых красочных примеров разработки этой темы — центральное панно «Поклонения волхвов» Ханса Бальдунга Грина; картина датируется 1507 годом и хранится в Берлинской картинной галерее.
- ⁴⁵ Напомним, что самый известный «дикарь» христианского мира, Иоанн Креститель, в Средние века часто изображался в полосатом одеянии — так обозначался смешанный состав ткани, состоящей, по преданию, из козьей и верблюжьей шерсти. Здесь еще раз проявилась связь полосок с идеей смешения.
- ⁴⁶ В качестве забавного примера см. справочник F.T. Prewett, *The West End. Hand-Book of Liveries*, London, 1895.
- ⁴⁷ Впрочем, скандал, связанный с модой на *vestes virgulatae*, все-таки имел место — об этом свидетельствуют самые разные источники (как то: хроники, законы против роскоши и специальные декреты). В ожидании публикации диссертации Одили Блан об одежде времен Позднего Средневековья, одна из глав которой посвящена тому самому скандалу, разразившемуся в 1340–1360 годах, отсылаем к оригинальным текстам, опубликованным Шульцем:

A. Shultz, *Deutsches Leben im XIV. und XV. Jahrhundert*, *passim*. См. также работы, указанные выше в примечании 16.

⁴⁸ Великие реформаторы уделяли много внимания регламентации костюма, неустанно рекомендуя носить одежду темных цветов, скромную и строгую. Их неприязнь к яркости и разноцветной палитре распространялась и на одежду в полоску. См. мою работу *L'Eglise et la couleur des origines à la Réforme//Bibliothèque de l'Ecole des chartes*, t. 147, 1989, p. 203–230.

⁴⁹ V. Mertens, *op. cit.*, p. 30–37. Cf. H.M. Möller, *Das Regiment der Landsknechte*, Wiesbaden, 1976, а также Н. Stöcklein, *Der deutsche Nation Landsknecht*, Leipzig, 1935.

⁵⁰ G.L. de Buffon, *Histoire naturelle*, 3-e éd., Paris, 1769, t. XII, p. 323–324.

⁵¹ Возможно, американские борцы за независимость, задумывая национальный флаг, выбрали полосы именно как символ рабства (к этому времени, т. е. в 1770 году, в Пенсильвании и Мэриленде уже действовали исправительные колонии, узники которых носили одежду в полоску) — они олицетворяют раба, разрывающего свои цепи; получается, что в ходе американской революции переворачивается само значение полосок: из знака лишения свободы они становятся символом свободы завоеванной. О различных версиях происхождения американского флага с «полосками» и «звездами» см. W. Smith, *The Flag Book of the United States*, New York, 1975.

⁵² H. Clouzot, C. Follot, *Histoire du papier peint en France*, Paris, 1935; см. также каталог выставки в парижском Музее декоративных искусств *Trois siècles de papiers peints*, Paris, 1967.

⁵³ В происхождении французского триколора остается много неясного и противоречивого. Известно, что флаг возник после кокарды, в промежуток между 14 и 17 июля 1789 года, но сложно сказать, как именно это произошло; еще труднее определить изначальное значение белого, синего и красного. Прежнее объяснение (белый — цвет королевского дома, синий и красный — цвета Парижа) сегодня считается неубедительным: на момент революции синий и красный уже долгое время не использовались в символике города. Что касается Лафайета, который часто хвастался, что это он к 17 июля ввел эти три цвета, объявив эмблемой только что созданной национальной гвардии, чьим главнокомандую-

щим он был, королевскую кокарду и двцветную ленту — атрибут парижской милиции, то верить ему не стоит. В чем я уверен, так это что эти цвета были заимствованы из эмблематики американской войны за независимость, потому что к тому моменту, когда разразилась Французская революция, они уже вовсю использовались как символ Свободы. Такого же мнения придерживается и Эрве Пиното (Hervé Pinoteau), который заканчивает в данный момент книгу *Les symboles de la France*. Существуют и другие точки зрения: см. P. Nora, éd., *Les Lieux de mémoire*, t. I, Paris, 1984, p. 5–35.

- ⁵⁴ Отголоски этого встречаются еще в 1848 году, когда Луи Блан, приверженец красного флага, заявил, что триколор являет собой образ классового общества, что противоречит принципу равенства, столь важного для республики. См. M. Agulhon, *Marianne au combat*, Paris, 1979, p. 85–87.
- ⁵⁵ См. работу Рауля Жирарде (примечание 53), где подробно рассматривается эволюция форм, предшествующих триколору. См. также C. Hacks, G. Linages, *Histoire du drapeau français*, Paris, 1876.
- ⁵⁶ См. замечательную диссертацию Jean-Marcel Humbert, *L'Égyptomanie dans l'art occidental*, Courbevoie, 1989.
- ⁵⁷ Полоски очень часто фигурируют на тканях, которым свойственно колыхаться на ветру: палатки, паруса, знамена, тенты, воздушные змеи и т. д. Ткань в полоску не бывает полностью статичной — она надувается и сдувается, дрожит, перемещается; она всегда указывает на переход, *transitus*, — недаром ее используют в церемониях инвеституры и обрядах перехода.
- ⁵⁸ Этот оптический эффект лег в основу одной из современных культурных практик. Известно, что горизонтальные полосы зрительно делают силуэт короче и шире, и сегодня полные люди, и женщины, и мужчины, ни за что не станут носить подобную одежду, а предпочтут, напротив, вертикальные полосы, которые «худят», особенно если они узкие.
- ⁵⁹ Зато в Советском Союзе узники ГУЛАГа носили подобную форму вплоть до самого недавнего времени (если верить фотографиям, публикуемым в западной прессе).
- ⁶⁰ Библиография по этой теме очень бедна, и мне, признаюсь, так и не удалось ни выяснить происхождение этой одежды, ни проследить ее эволюцию до середины XIX века.

- ⁶¹ М. Bourdet-Pleville, *Des galériens, des forçats et des bagnards*, Paris, 1957, p. 128; M. Le clère, *La vie quotidienne dans les bagnes*, Paris, 1973, p. 118–119.
- ⁶² Зато в XVII веке красный «созревает», если можно так выразиться: он окончательно выходит из широкого употребления и появляется на одежде представителей маргинальных слоев общества и заключенных, например на одеянии галерных гребцов. При этом, что характерно, одежда в полоску на галерах не использовалась. См. A. Zysberg, *Marseille au temps des galères*, Paris, 1983; *idem*, *Les Galériens du roi: vies et destines de 60 000 forçats sur les galats sur les galères de France*, Paris, 1987.
- ⁶³ Кроме работ, указанных в примечании 61, см. M. Alhoy, *Les Bagnes. Histoire, types et mœurs*, Paris, 1845; J. Destrem, *Les Déportations du Consulat et de l'Empire*, Paris, 1885; E. Dieudonné, *La Vie des forçats*, Paris, 1932; P. Zaccone, *Histoire des bagnes depuis leur creation*, Paris, 1873.
- ⁶⁴ Возможно, здесь сыграли свою роль полоски, принятые на флоте (но не на галерах). Вполне можно представить переход от матроса к бунтовщику, а от бунтовщика — к заключенному. Некоторые моменты из жизни таких людей во Франции, в привязке к культуре одежды, описаны в книге A. Cabantous, *La Vergue et les fers. Mutins et déserteurs dans la marine de l'ancienne France (XVII—XVIII s.)*, Paris, 1984 (хотя как раз на французском флоте полоски использовались не очень активно и в любом случае позже, чем, например, в Англии и Нидерландах).
- ⁶⁵ Здесь я, конечно же, отсылаю читателя к работам Мишеля Фуко, прежде всего к «Истории безумия в классическую эпоху» (Michel Foucault. *Histoire de la folie à l'âge classique*, Paris, 1961), а также к книге «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» (*Surveiller et punir. Naissance de la prison*, Paris, 1975) — именно с ней связано заглавие данного параграфа.
- ⁶⁶ Филологи и авторы этимологических словарей немецкого языка не разделяют этого мнения. Они не считают слово *Streifen* одно-коренным *strafen* (наказывать), но восстанавливают его основу как *ster- (как, например, в слове *Stern*) и связывают это с идеей расширения и распространения. См., например, L. Mackensen, *Ursprung der Wörter. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*, 2-nd éd., München, 1988, p. 374, 376. И все же я остаюсь при убеж-

дении, что *Streifen* («полоса») и *strafen* («наказывать») родственны между собой.

⁶⁷ Замечательное подтверждение тому находим опять-таки в геральдике, в гербе города Страсбурга: «в серебряном поле червленая перевязь», т. е. косая красная полоса на белом фоне. Скорее всего, это говорящая фигура, обыгрывающая созвучие между *Strasse*, немецкое «улица» (которая здесь представлена как полоса), и *Strassburg*.

⁶⁸ C.T. Onions, *The Oxford Dictionary of English Etymology*, Oxford, 1966, p. 876. Отметим созвучие между *stripes* и *strip-tease* (что буквально означает «дразнить, снимая») — не случайно оба слова связаны со скандалом.

⁶⁹ См. A. Ernout, A. Meillet. *Dictionnaire étymologique de la langue latine*, 4-e éd., Paris, 1959, p. 656–657.

⁷⁰ Здесь можно противопоставить пижаму, принципиально «закрытый» вид одежды, ночной рубашке, которая может «распахиваться», — по сравнению с ней пижама является чем-то «концентрационным». А пижама в полоску, если следовать подобной логике, и вовсе клетка: она заключает в себе спящего, отделяя его от мира. Отметим также связь полосатого ночного белья с тем промежуточным состоянием, которое представляет собой сон. Полоски вообще связаны с переходом из одного места или состояния в другое — мы еще поговорим об этом в связи с пешеходным переходом, шпалами, палатками и т. д.

⁷¹ Здесь я еще раз позволю себе отослать читателя к собственным исследованиям по истории цвета, в частности к статье, указанной в примечании 48, а также к работам разных лет, объединенным в сборниках *Figures et couleurs. Etudes sur la symbolique et la sensibilité médiévale*, Paris, 1986, и *Couleurs, images, symboles. Etudes d'histoire et d'anthropologie*, Paris, 1989.

⁷² При этом белое неравнозначно некрашеному. Вплоть до XVII века, т. е. до опытов Ньютона и открытия цветового спектра, белый считался отдельным полноценным цветом. Некрашеное же близко к серому или коричневато-серому, цвету суровой ткани. Что касается понятия бесцветного, то оно совершенно отлично от белого цвета. С точки зрения европейского восприятия, бесцветное соответствует прозрачному, а если речь идет о соци-

альных кодах — телесному цвету: он всегда принимается в расчет во всем, что касается одежды, как «нулевая степень» и точка отчета.

- ⁷³ M. Kitchens, *When Underway counted, being the Evolution of Underclothes*, Talladega (USA), 1931; C. Willet, P. Cunningham, *The History of Underclothes*, London, 1951. Заинтересовавшегося читателя отсылаю к книгам P. Perrot, *Les dessus et les dessous de la bourgeoisie*, Paris, 1981, и G. Vigarello, *Le Propre et la sale. L'hygiène du corps depuis le Moyen Age*, Paris, nouv. éd., 1985, где содержится несколько любопытных фактов и поводов для размышлений.
- ⁷⁴ Согласно давней (еще со времен Средневековья) традиции холодные цвета считаются менее *маркированными*, а значит, менее неприличными, более чистыми, чем теплые. Окрасить ткань в теплый цвет сравнительно легко, а вот процесс крашения ткани в холодные тона, обеспечение глубокой пропитки волокон долгое время оставалось значительно более сложной процедурой. В Европе синие, зеленые и серые вещи издавна считались более чистыми, сами же цвета воспринимались как немного размытые, а значит, родственные пастельным.
- ⁷⁵ Это выражение я заимствовал у Жана Бодрийяра: J. Beaudrillard, *Le Systèmes des objets*, Paris, 1968, p. 40.
- ⁷⁶ В последнее время во Франции, по крайней мере в офисе, рубашка в полоску потеснила белую. Если простых служащих с давних пор именовали «белыми воротничками» (противопоставляя их «синим воротничкам» — рабочим), то представителей высшего менеджмента, видимо, будут называть «полосатыми воротничками». См., например, 946-й номер журнала «Ле Пуан» (26 ноября — 2 декабря 1990), на обложке которого помещен анонс статьи под заглавием «Менеджеры высшего звена: все о полосатых воротничках».
- ⁷⁷ См. примечание 58. Заметим, что люди с лишним весом могут специально носить одежду в горизонтальную полоску, чтобы окружающие списывали их полноту на оптический эффект, вызываемый полосками. Вот она, тонкая и извращенная логика нашего времени.
- ⁷⁸ Я провел много времени в библиотеке (литературы по военноморским униформам становится все больше), но так и не нашел

никакой информации о происхождении и распространении полосатых тельняшек. Может быть, это запретная тема?

- ⁷⁹ Выражаю благодарность моему дяде Анри Дюбьефу, сообщившему мне об этом факте. Именно он обратил мое внимание на присутствие «негативных» полосок на французском флоте.
- ⁸⁰ W. Endreï, *L'Evolution du filage et du tissage, du Moyen Age à la révolution indistruelle*, Paris, 1968; M.M. Grass, *History of Hosiery*, New York, 1955; A. Mortier, *Le Tricot et l'industrie de la bonnetterie*, Troyes, 1891.
- ⁸¹ Полоски на корабельных парусах имеют несколько значений: техническое (это швы, соединяющие несколько кусков ткани), сигнальное (парус с двуцветными или разноцветными полосами лучше заметен издалека), кроме того, они создают некую динамику — кажется, что корабли под таким парусом двигаются быстрее (см. примечание 57). Поэтому в современном прогулочном мореплавании и яхтенном спорте спинакер (парус, который поднимают, когда ветер дует сзади), как правило, украшен полосками.
- ⁸² E.M.C. Barraclough, *Yacht Flags and Ensigns*, London, 1951; Q. Neubecker, *Fahnen und Flaggen*, Leipzig, 1939; W. Smith, *Flags through the Ages and across the World*, Maidenhead (G.—B.), 1975.
- ⁸³ G. Jean-Aubry, *Eugène Boudin*, 2-e éd., Paris, 1977; R. Schmit, *Eugène Boudin (1824–1898). Catalogue raisonné de l'œuvre peint*, Paris, 1973, 3 vol.; J. Selz, *Eugène Boudin*, Paris, 1982.
- ⁸⁴ G. Desert, *La vie quotidienne sur les plages normandes du Second Empire aux années folles*, Paris, 1983; A. Hern, *The Seaside Holiday: the History of the English Seaside Resort*, London, 1967; J. Anderson, E. Swinglehurst, *The Victorian and Edwardian Seaside*, London, 1978; G. Renoy, *Bains de mer au temps des maillots rayés*, Bruxelles, 1976.
- ⁸⁵ Эта тенденция возникает еще в первой половине XIX века; одно из самых ранних свидетельств тому — заметки врача J. Le Cœur, который рекомендует двуцветные купальные костюмы (J. Le Cœur, *Des bains de mer. Guide médical et hygiénique du baigneur*, Paris, 1846).
- ⁸⁶ См. выше пример с банкиром и бандитом — оба они носят костюм в полоску.
- ⁸⁷ D. Alexandre-Bidon, *Du drapeau à la cotte: vêtir l'enfant au Moyen Age (XIII–XV s.)* // *Cahiers du Léopard d'or*, t. I, 1989, p. 123–168.

- ⁸⁸ Заметим между делом, что обычай одевать маленьких девочек в розовое, а мальчиков в голубое, возникший в середине XIX века во Франции, Англии и Америке, все еще не получил научного объяснения ни с этнологической, ни с исторической точки зрения. Неизвестно, как была внедрена эта практика и как происходило ее распространение; более того, само ее значение остается непонятным. Лично меня не удовлетворяет ни одно объяснение из тех, что предлагались до сих пор, включая религиозные мотивы. Мне кажется, что это явление носит социально-этический характер (именно поэтому детская одежда выдержана в пастельных или ненасыщенных тонах), однако, хотя я и занимаюсь историей цвета, я, признаюсь, не смог выявить исторические причины этого разделения — розовое для девочек, голубое для мальчиков. Быть может, это отголосок старой модели «красное = женское, черное = мужское».
- ⁸⁹ Замечательно, что подавляющее большинство французских книжек про зебр — это детские книги. Сегодня это животное наряду со свиньей, драконом и лисой — «восходящая звезда» детского бестиария и детского универсума вообще; другие же его участники, как то: кошки, собаки, кролики, лошади и даже медведи — немного забыты.
- ⁹⁰ Яркий пример — куртки жокеев, этих «детей» в мире всадников: здесь совпали спортивные и эмблематические полосы, полосы, связанные со случаем и удачей, и полосы, связанные с миром детства.
- ⁹¹ Должен признаться, я разломал тубик, вывернул его наизнанку, буквально распотрошил его, но так и не понял, как из тубика может появляться паста с такими полосками. Паста *Signal* остается для меня чем-то непостижимым.
- ⁹² Разумеется, я посвятил пасте *Signal* несколько вдохновенных строк не потому, что ее производители меня «проспонсировали». Но кто знает, вдруг, после публикации этой книги, они захотят поддержать исследования по истории полосок...
- ⁹³ M. Pastoureau, *Les couleurs du stade// Vingtième siècle, Revue d'histoire*, № 26, avril-juin 1990, p. 11–18.
- ⁹⁴ Ср. примечание 90 о куртках жокеев.
- ⁹⁵ Мой отец, Анри Пастуро, рассказал мне восхитительную историю:

как-то раз они с Пикассо зашли в большой магазин одежды, и художник стал настойчиво спрашивать брюки в полоску, чтобы, как он объяснил продавцу, «исполосовать себе задницу». Более того, он требовал, чтобы полоски были вертикальными, после чего, конечно же, был вынужден уйти ни с чем.

⁹⁶ Даниэль Бурен неоднократно говорил, что его труд представляет собой «нападение изнутри», которое состоит в том, чтобы создать «белые и цветные линии» из предметов и пространства. Он хочет «оттенить», «отметить, не указывая прямо», «придать объемность цвету» — словом, все то, за что в западной культуре с давних пор отвечали полоски (см. D. Buren, *Entrevue. Conversation avec Anne Baldassari*, Paris, 1987). Участники немецкого художественного объединения «Зебра», возникшего в 1965 году, работают в совершенно ином стиле — они предпочли отказаться от абстракции и осуществить «возвращение к объекту, в той мере, в какой каждый объект есть прототип». Название «Зебра» не означает обязательного присутствия полосок в творениях художников, оно просто подчеркивает желание обозначить свои расхождения с современной живописью, «исполосовать себя», как сказал бы Пикассо. См. W.D. Dube, *The Zebra Group, 1965–1975. First Exhibition*, London, 1975.

⁹⁷ Персонажи такого сорта — воры и бандиты — все еще появляются на страницах комиксов, одетые в костюм с яркими горизонтальными полосами. Например, в «Золотой змее», очередной истории из серии о приключениях Астерикса, ужасный галльский «мафиози» носит майку в широкую черно-желтую полоску.

⁹⁸ Во Франции этот прием постоянно используется в карикатурах газеты «Канар аншене», изображающих политиков, чья деятельность считается сомнительной и опасной.

⁹⁹ Возможно, так они использовались еще в Средневековье, по крайней мере, если верить геральдике: самые заметные гербы — это *пересеченный и рассеченный на серебро и червлень*. Но применимо ли это к другим культурам? Не так давно во всем мире была введена единая система дорожных знаков — было бы крайне интересно узнать, происходили ли в их начертании какие-либо изменения, обусловленные особенностями местной визуальной культуры.

¹⁰⁰ H. Filippetti, J. Trotereau, *Symboles et pratiques rituelles dans la maison roussanne traditionnelle*, Paris, 1978. В некоторых местах, например

в Савойе, полосы на ставнях изображаются в виде стропил — более сильной защиты представить невозможно.

- ¹⁰¹ Такого мнения придерживался Франсуа Трюффо (F. Truffaut, *Hitchcock*, Paris, 1984); Ромер и Шаброль, напротив, полагают, что это «великий фильм о любви» (E. Rohmer, C. Chabrol, *Hitchcock*, Paris, 1975).
- ¹⁰² Фильм снят по роману Фрэнсиса Бидинга «Дом доктора Эдвардса». Хичкок хотел снять первую половину фильма на черно-белой пленке, а вторую — на цветной и осуществлять прокат исключительно в сумасшедшем доме, но продюсер не согласился на это.
- ¹⁰³ «Джазовые» полосы совмещают в себе три типа: полосы, связанные с миром музыкантов, с негритянской культурой, а также со скоморошеской традицией. «Джазмен» по определению маргинален как по отношению к социуму, так и к музыкальной среде (по крайней мере, если говорить о джазе в период его становления), а значит — обречен носить полосатую одежду.
- ¹⁰⁴ Можно пойти еще дальше и усмотреть значение упорядочивания в орденских лентах, призванных привлекать внимание к знакам отличия и провозглашать принадлежность к современному рыцарскому ордену. Здесь упорядочивающая функция наслаивается на эмблематическую.
- ¹⁰⁵ Недаром среди любителей аквариумных рыбок особенно ценными считаются полосатые рыбки (а вот с бабочками все обстоит иначе) — они встречаются редко, и коллекционеры готовы отдать за них приличные суммы.
- ¹⁰⁶ В последнее время их несколько потеснили точки, в связи с тем что в информатике они используются чаще, чем линии.
- ¹⁰⁷ Можно пойти еще дальше: пол — это та же поверхность в полоску, т. е. поверхность, связанная с опасностью, — можно ли сделать из этого вывод, что палас или коврик, которые стелют поверх, — это, в некотором роде, средство защиты? Не навевает ли пол из деревянных досок мысли о капкане? (И как тогда относиться к коврам в полоску?)
- ¹⁰⁸ Полоски могут располагаться так, что отдельные элементы изображения кажутся светлее или, наоборот, темнее в зависимости от интенсивности штриховки — на этом, в частности, основано ис-

кусство эстампа. Благодаря полоскам в черно-белый рисунок приносятся понятия яркости и светотени.

¹⁰⁹ D.K. Bennett, *Stripes do not a zebra make*//*Systematic Zoology*, t. 29, 1980, p. 272—287; S.J. Gould, *A propos de zébrures* // *Quand les poules auront des dents*, Paris, 1984, p. 391—403.

¹¹⁰ Во многих учебниках по рисованию рассказывается, как при помощи полосок добиться того или иного эффекта. Некоторые пособия предлагают визуальные упражнения, которые можно найти в любом пособии по оптике. Наиболее содержательные из этих работ, на мой взгляд, принадлежат теоретикам Баухауса.

¹¹¹ Было бы интересно выяснить, как полосы используются в искусстве маскировки. Существует обычай, возникший еще в Первую мировую войну, покрывать палубу и корпус некоторых судов узорами в форме полосок (*dazzled patterns*), призванных обмануть перископы подводных лодок. См. N. Wilkinson, *The Dazzle Painting of Ships*, Newcastle, 1919 и каталог выставки *Camouflage*, проходившей в Имперском военном музее в Лондоне с марта по апрель 1989 года (я выражаю благодарность Анри Коломеру, которому я обязан ссылками на эти издания). Что касается животных, то зоологи пришли к выводу, что полосы тигра позволяют ему пробираться незамеченным к своей жертве, сливаясь с пейзажем (в привычных для них местах обитания), в то время как зебриные полосы, напротив, не способствуют маскировке и, соответственно, нисколько не защищают их от хищников. Зато они помогают зебрам мгновенно распознать своих сородичей; в случае опасности это облегчает возможность быстро сгруппироваться (сбиться) в стадо и обратиться в бегство, что способствует выживанию вида. См. работы, указанные в примечании 109.

СОДЕРЖАНИЕ

Порядок и путаница в мире полосок	7
Дьявол в полосатых одеждах (XIII–XVI века)	13
Скандал с кармелитами	13
Полосатые ткани — нехорошие ткани	18
Штаны святого Иосифа	22
Поверхности: однотонная, полосатая, многоцветная, крапчатая	25
Фон и фигура: полосы в геральдике	33
От горизонтали к вертикали и обратно (XVI–XIX века)	41
От дьявола к прислуге	42
От прислуги к романтикам	47
Революционные полосы	52
Полосовать и наказывать	59
Полоски в современную эпоху (XIX–XX века)	65
Полоски и гигиена	66
Сине-белый мир	70
Игровые полосы: «будьте как зебры»	76
Полоски — это подозрительно	82
От следа к маркеру	88
<i>Библиография</i>	93
<i>Примечания</i>	98

Мишель Пастуро

ДЬЯВОЛЬСКАЯ МАТЕРИЯ

**История полосок
и полосатых тканей**

Редактор серии
Ф. Дзядко
Редактор
А. Кайсаров
Дизайнер обложки
М. Юганова
Корректор
И. Аветисова
Компьютерная верстка
В. Дзядко

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО «Новое литературное обозрение»
Адрес редакции:
129626, Москва, И-626, а/я 55
Тел.: (495) 976-47-88
факс: (495) 977-08-28
e-mail: real@nlo.magazine.ru
<http://www.nlobooks.ru>

Формат 84x108/32
Бумага офсетная № 1
Печ. л. 4. Тираж 2000. Заказ № 3316

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Уже название этой книги звучит интригующе: может быть своя история? Мишель Пастуро утвердительно отвечает на этот вопрос, но и история эта полна самыми невероятными сюжетными прослеживает историю полосок и полосатых тканей вплоть до конца XX века и показывает, как каждая эпоха порождала новые практики и культурные коды, как постоянно усложнялись системы значений, связанных с полосками — не только в материальном, но и в символическом плане. В Средневековье, к примеру, одежда в полоску воспринималась как нечто низкопробное, возмутительное, а то и просто дьявольское. А во времена Возрождения и романтизма получили распространение «правильные» полоски — знаки праздников и символы свободы. Современная культура восприняла все практики и коды предыдущих эпох. В ней есть место всему: полоски, сохранившие «дьявольские» коннотации (полосатая одежда, которую носили узники лагерей смерти) или сигнализирующие об опасности (зебра и другие элементы дорожного движения); полоски, связанные с гигиеной (постельные наборы и нижнее белье), игрой (игрушки и другие товары для детей) и спортом (профессиональная экипировка), и, наконец, полоски как эмблематическая единица — атрибут униформ, значков и флагов. Автор подчеркивает: семиология полосок рассматривается им прежде всего в социальном контексте и служит лишь приближением к еще не написанной энциклопедии полосок.

Новое
Литературное
Обозрение

ISBN 978-5-86793-615-0

Библио-Глобус
Москва Мясницкая 6/3 стр.1
<http://www.biblio-globus.ru> "Экспресс"
изд. 2011 г.

9 785867 615000